

КРОКОДИЛ

О дружбе с Анной Ахматовой и о том, почему сатирический журнал назвали «Крокодил»

ПОСРЕДСТВОМ РЕКЛАМА, КОТОРАЯ НАМ ОЧЕНЬ НУЖНА.

Рис. Ив. Малютина.

<http://oralhistory.ru/talks/orh-387-388>

Собеседник

Ардов Виктор Ефимович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 8 августа 1974 и опубликована 1 июня 2017.

Введение

Третья беседа с Виктором Ардовым композиционно состоит из двух больших сюжетов. Первый посвящен истории журнала «Крокодил» — художникам и журналистам знаменитого сатирического издания, в том числе создателю «Крокодила», участнику штурма Зимнего дворца Константину Еремееву, Михаилу Кольцову и многим другим.

Второй сюжет посвящен дружбе семьи Ардовых с Анной Ахматовой, и здесь журналистские байки уступают место более личной интонации (в какой-то момент эмоции переполняют рассказчика, и его голос срывается). Герои этой части беседы, помимо собственно Ахматовой, — Осип и Надежда Мандельштам, Михаил Зощенко и Марина Цветаева, с которой Ахматова встречалась в квартире Ардовых, но то, о чем они говорили, так и осталось тайной.

Комментарии к беседам с В.Е. Ардовым подготовил филолог Николай Паньков.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Виктор Ефимович, мы с вами так договорились, что сегодня мы будем разговаривать о «Крокодиле», о «Чудаке». Вы по Есенину все окончили? Может, хотите что-нибудь добавить?

Виктор Ефимович Ардов: Одну только, пожалуй, фразу, одно положение. Видите ли, Есенин велик тем, что он, наверное, первый в русской поэзии отразил стихию русской деревни. Даже такие поэты, как Кольцов, не говоря уже о менее значительных, вроде Дрожжина*, писали о деревне с позиций традиционной русской городской поэзии. Это все правильно, но это не выражало до конца стихию русской природы и русского села. Есенин был первый, который полностью выразил в своих стихах это значительное поприще, я бы сказал. Вот эти его образы сельского характера, иногда даже немножко притянутые (я много раз отмечал какую-то условность иных образов, они идут в порядке взятой им однажды на себя струи). Но самый факт, что появился поэт, который пришел из деревни, для которого деревня была родною и который это никогда не забывал, — это великое дело. Очень интересно, что Есенин, как пишет о том Сергей Тимофеевич Коненков, дружил с этим скульптором несмотря на большую разницу в возрасте. И должен сказать, что в скульптуре нечто подобное сделал именно Коненков: его деревянные вещи, в особенности эти вот полевички, лесовички и другие скульптуры из коряг и поленьев, — они тоже предельно национальны и тоже, конечно, подсказаны деревенским происхождением мастера. В своих мемуарах Коненков пишет, что когда он приехал в Соединенные Штаты, то он всех поразил наличием у него деревянной скульптуры. Они просто не знали, что деревом можно выразить...

* Кроме Алексея Васильевича Кольцова (1809–1842) и Спиридона Дмитриевича Дрожжина (1848–1930) можно назвать еще нескольких поэтов-самоучек: крепостного крестьянина Ф.Н. Слепушкина (1783–1848), крепостного мастерового Е.И. Алипанова (1800–1860), мещанина И.З. Сурикова (1841–1880), ремесленника И.А. Белоусова (1863–1930) и т.д. А.А. Блок записал в своем дневнике слова Есенина о своих предшественниках: «Кольцов — старший брат (его уж очень вымуштровали, Белинский не давал свободы) <...> а я — младший» (Блок А.А. Из дневников, записных книжек и писем // Воспоминания о Сергее Есенине. М.: «Московский рабочий», 1975, с.196). Специально занимавшийся этим вопросом В.В. Коржан писал: «Кольцов сильнее тяготеет к традициям устной поэзии. Есенин лишь опирается на них: его стихи имеют сильный оттенок индивидуальности. Если Кольцов — поэт песенно-фольклорный, то Есенин — песенно-литературный. Каждый из них прекрасен и неповторим в своем роде» (Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Л.: «Наука», 1969, с.42). По словам другого современного исследователя, «если за всеми этими качествами искать наследника Кольцова в XX в., то это будет Есенин. Есенин — это вообще во многом осуществленный Кольцов. Он продолжил его вширь, вглубь. Он конкретизировал многие черты поэтики, явленные у Кольцова в их нерасчлененности. Несмотря на то, что Есенин прожил на свете еще меньше, чем Кольцов, он производит впечатление более зрелого Кольцова. Исходные — все те же, но все резче и разветвленней» (Гусев В.И. Кольцов и стили советской поэзии // А.В. Кольцов и русская литература. М.: «Наука», 1988, с.190).

В.Д.: Ах, вот это интересный факт! На Западе не было ее совсем, да? То есть в Америке?

В.А.: В Европе, может быть, и было, и даже обязательно было, потому что там средневековая деревянная скульптура — церковная уже. Коненков в своей книге «Мой век» (это действительно век, потому что он прожил, Коненков-то, 97 лет) пишет, что в Америке деревянная скульптура не была известна и его работы произвели поэтому там фурор*. Кстати, есть еще совершенно поразительный эпизод, который Коненков описывает там: в 26-м или 27-м году скульптор взялся лепить бюст Ивана Петровича Павлова, академика. Условия были такие: Павлов точно к двум часам приезжал в мастерскую Коненкова и два часа позировал. Ему давали для этого автомобиль за счет скульптора. И вот на каком-то сеансе..

* Коненков писал: «Я показал на выставке несколько вырубленных в дереве обнаженных фигур. Дерево как материал скульптуры было для Америки новостью. Это вызвало интерес прессы, а затем нашлись и покупатели» (Коненков С.Т. Мой век. М.: Политиздат, 1971, с.262).

В.Д.: Подождите, вы сказали в 26-м?

В.А.: Да. В 26-м — 27-м.

В.Д.: Так он уже уехал?

В.А.: Кто?

В.Д.: Коненков.

В.А.: Так Коненков и был в Нью-Йорке.

В.Д.: А что Павлов был...

В.А.: ...в Нью-Йорке, да.

Так вот, приехал, значит, однажды Павлов и говорит: «Как мне надоели эти машины. Как бы мне хотелось, чтобы меня к вам доставляли бы на лошадях — конный экипаж». Ну, решили пойти навстречу великому ученому. Администратор Коненкова сообщил, что он нашел лошадку... Где? В зоопарке! Там была лошадь, которая катала ребят по кругу, в этом самом зоопарке. Это делается и у нас и сейчас. Ладно. Условились, что экипаж заедет в половине второго за Павловым, а к двум привезет его в мастерскую. Около трех часов — с большим опозданием, следовательно, появился разъяренный Иван Петрович, который кричал, что если будут так злоупотреблять его временем, то он вообще откажется позировать. Тут пришел администратор, и Коненков его спрашивает: в чем же дело? Смущенный администратор отвечает, вот какая история: «Лошадь-то мы запрягли в экипаж и стали ее выводить за ворота зоопарка, но она уже десять лет ходит по этому кругу, катая детей, и она отказалась выйти за ворота, а свернула на свой круг и стала нас возить по кругу». *(Дувакин смеется.)*

”

Коненков говорит: «Я подумал, что сейчас Иван Петрович сойдет с ума от ярости. Но я смотрю — он счастливо улыбается и говорит: „Вот видите, какое подтверждение моей теории условных рефлексов! Я очень рад!“»

В.Д. (смеется): Чего ж он бесился?! Это у него, у Коненкова, в книжке написано?

В.А.: Да!*

* Этот эпизод произошел в 1927 г. в Нью-Йорке, во время международного конгресса физиологов, на который приехал И.П. Павлов. Но проблема была связана не с зоопарком, а с Центральным парком Нью-Йорка. Извозчик, с которым договорилась жена Коненкова (Маргарита Ивановна), не смог вовремя заехать за Павловым: «Я ничего не забыл. Утром я попробовал отправиться по указанному вами адресу, но лошадь, сколько я ее ни бил, не пошла. Двадцать лет она ходит только вокруг парка...». Павлов, услышав эти объяснения, пересказанные Маргаритой Ивановной, неожиданно просиял, забыв о своей недавней ярости: «Вот видите, моя теория подтверждена!» И Коненков добавил: «Конечно же, речь идет о знаменитых Павловских рефлексах» (там же, с.289).

О характере Есенина

В.Д.: А! Ну, тогда не стоит на этом задерживаться. Вернемся к Есенину...

В.А.: Про Есенина я вам вот что скажу. (Мне кажется, это важное наблюдение.) Видите, как человек воистину деревенский, Есенин и не переделывал себя на городской лад, он не притворялся, как многие люди, вышедшие из села — уже вполне горожане. Он и по манерам, и по навыкам своим, и по обращению к людям — он остался деревенским парнем, даже подчеркивая это, подчеркивая в своих выражениях, изречениях и так далее. На меня он всегда производил впечатление того озорного гармониста, который многих вокруг обижает: и девок обижает, и каких-то других парней, и драчлив, и несдержан, но ему все прощается за то, что он так хорошо играет на гармонии. Вот в данном случае этой гармонью была поэзия, он был настолько талантлив, что ему действительно прощали многие, я бы сказал, чисто деревенские эксцессы. И это, по-моему, имеет смысл сохранить, потому что никто никогда в литературе о Есенине вот эту сторону его личности не подчеркивал*.

* Сравнение Есенина с деревенским гармонистом было и в письменных мемуарах Ардова: «Как заиграет, так все сразу простят обиженные им люди: и девки, отвергнутые им, осрамленные безжалостно при все честном народе, даже битые им, не имеют силы отойти от лавочки, где расположился кучерявый их обидчик со своим словно ожившим под его пальцами инструментом. И невольные улыбки исторгает вокруг себя рассыпавшийся немислимыми трелями сквозь тяжелую одышку мехов потертый баян. И слезы выступают у слушателей, когда гармонисту взгрустнется вдруг и пожелает он свою грусть выразить тут же — сейчас — после веселых переборов в грустной мелодии, в которой явственно ощущается русский пейзаж, березки, поля, золотые клены и рогатый месяц среди облаков... Да, именно таков был Есенин в самой своей сути. И даже странно было наблюдать всю его деревенскую повадку в самой рафинированной среде столичной интеллигенции. А ведь именно здесь жил и действовал, очаровывал и отпугивал от себя этот полномочный представитель рязанского села...» (РГАЛИ, ф.1822, оп.1, д.157, л.43).

В.Д.: Ну как же, это как раз говорят, но только можно думать, что и в этом был какой-то элемент стилизации.

В.А.: Стилизации, конечно, причем он шел к ней издавна. Сперва он стилизовался вместе с Ключевым под старинную Русь, религиозную Русь, даже какие-то монархические мотивы у него появлялись...

«Крокодил»

В.Д.: Ну, перейдем сейчас к тому, что составляет нашу основную тему — к «Крокодилу». Вы один из старейших крокодилцев, всех там знаете. Вот я вас прошу обрисовать и работу редакции в период 20-х годов (после Съезда писателей — это меня уже меньше интересует, это уже другой «Крокодил», но вы пунктиром завершите, что найдете нужным), и потом также охарактеризовать людей, которые в «Крокодиле» работали и которых вы в «Крокодиле» встречали. Прошу вас.

В.А.: В будущем году исполняется 50 лет с тех пор, как я впервые напечатался в «Крокодиле». Для «Крокодила» это был третий год его существования. Я должен сказать, что успех «Крокодила» небывалый: его тираж сегодня 6 миллионов экземпляров. В мире никогда не было сатирического журнала с таким тиражом. Я помню большой успех «Нового Сатирикона» под руководством Аверченко до революции — тираж был 25 тысяч.

В.Д.: Ну, тогда ведь грамотных было не так много.

В.А.: Совершенно справедливо, но все-таки 6 миллионов — это гигантская цифра. Обуславливается она, на мой взгляд, вот чем. Создатель «Крокодила», первый его редактор, Константин Степанович Еремеев, который до революции был одним из редакторов «Правды» (как мы знаем, «Правда» начала выходить в 12-м году), так вот, этот человек — член партии, кронштадтский матрос, участник Гражданской войны и так далее*, когда создали в 22-м году этот журнал, повел его не теми путями, какими до того традиционно шли все журналы сатирического плана.

* К.С. Еремеев (1874–1931) входил в редколлегию «Правды» в 1910–1914 гг., а затем в 1917 г. был одним из руководителей штурма Зимнего дворца, командуя войсками Петроградского военного округа (с декабря 1917 по март 1918 гг.), активно участвовал в разгроме мятежа левых эсеров в 1918 г. в Москве. См.: Еремеев К.С. Осада Зимнего дворца (Воспоминания) // «Москва», 1957, с.108–132; Кремлев И.Л. Трубка крокодила. Документальная повесть о К.С. Еремееве. М.: Политиздат, 1965; Большевик правдист. Воспоминания о К.С. Еремееве. М.: «Правда», 1965. По воспоминаниям И.П. Абрамского, одного из старейших крокодилцев, под руководством Еремеева («дяди Кости») «работалось удивительно легко и радостно, хотя обстановка была подчас трудной. Он умел передавать работникам свою огромную энергию и непреклонную веру в дело, которое зачинал» («Советская печать», 1962, №9, с.45).

В.Д.: Простите, ведь при своем образовании «Крокодил», кажется, имел другое название — «Рабочий журнал»?

В.А.: Этого я не помню.

В.Д.: Не знаете? Мне говорил об этом старейший крокодилец — Черемных, когда он еще был жив...

В.А.: Я знаю. Может быть, и были какие-то приложения к «Рабочей газете», которые носили сатирический характер, и считается, что именно из этих приложений и возник «Крокодил»*.

* Так и было. В июне 1922 г. начало выходить еженедельное иллюстрированное сатирическое приложение к газете «Рабочий» (позднее «Рабочей газете»). Через два с половиной месяца, в конце августа, вместо очередного выпуска приложения (№13) подписчики газеты получили журнал «Крокодил» (см.: Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать. М.: Госполитиздат, 1963, с.179).

В.Д.: А Еремеев, когда вы пришли, уже работал два года?

В.А.: Еремеев в это время был Центральным Комитетом партии отозван на другую работу*, так что я с ним познакомился вне редакции «Крокодила», а в «Крокодиле» я его не застал.

* Еремеев в конце 1923 г. был назначен членом Реввоенсовета Балтийского флота (позднее — членом Реввоенсовета СССР, начальником Политуправления Балтийского флота, представителем советского торгового флота во Франции). В 1929 г. он вернулся к журналистской работе (возглавил журнал «Красная нива»).

Но та тенденция, которую он установил, она вот, на мой взгляд, и приводит к этому большому успеху журнала. Что это за тенденция? По традиции, сатирический журнал стоит в позиции, так сказать, иронического наблюдателя жизни. Так откликались на события и литературные явления и факты жизни в «Новом Сатириконе». Так чаще всего откликались в других наших, советских, журналах — таких, как «Смехач» в Ленинграде, «Бузотер» (впоследствии он же «Бич») в Москве* и так далее. Еремеев установил тот момент, что журнал есть не наблюдатель сторонний и ироничный, а участник строительства коммунизма. Это чрезвычайно важно. Следовательно, мы не посмеивались над глупостями, или нелепостями, или проступками и преступлениями тех людей, о которых писали в фактических заметках, или в фельетонах по фактам и так далее, а мы, так сказать, резко принимали сторону Советской власти и включались в орбиту советского... я бы даже сказал — правосудия. Ведь очень часто мы, крокодилы, встречаясь с прокурорами и следователями, устанавливали общность наших позиций, общность нашей деятельности. Есть решение Девятого съезда партии о том, что печать всякий сигнал свой посылает туда, о ком идет речь (или о чем идет речь), и на местах все советские органы, начиная от министерств, обязаны принимать меры по тому материалу, который опубликован**. Этот закон действует и сегодня.

* Журнал «Бич» выходил в 1927–1928 гг. как продолжение журнала «Бузотер» (1925–1927).

** IX съезд партии состоялся с 20 марта по 5 апреля 1920 г. На нем рассматривались многие вопросы: о мобилизации на транспорт, о взаимоотношениях между политотделами и парткомами, о переходе к милиционной системе, об отношении к кооперации, о профессиональных союзах и их организации и т.д., однако вопрос об отсылке сигналов печати «туда, о ком идет речь», на этом съезде не ставился. Вероятно, Ардов что-нибудь перепутал (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. М.: Издательство политической литературы, 1983, с.239–289).

В.Д.: И для «Крокодила»?

В.А.: И для «Крокодила». Вы знаете, почта «Крокодила» сегодня безмерная: тысяча писем в день, тысяча писем в день. А любой номер (сейчас он выходит ежедекадно) вмещает в себя ну 20 материалов фактических, а то и меньше. По всем остальным письмам принимаются меры такого характера: пишутся письма, запросы, напоминания, указания и так далее. И нам отвечают в таком же обязательном порядке, как отвечают «Правде». Да и всем органам печати обязаны отвечать. Это имеет гигантское практическое значение. Во-первых, стало быть, нельзя недооценить самый факт воздействия на всяких, как мы говорим, конкретных носителей зла. А с другой стороны, это и вызывает повышенный интерес читателей к журналу, в котором можно не только посмеяться над рассказом или над карикатурой, но и почерпнуть вот такие живые сведения о действительности. И рубрика «„Крокодил“ помог», в которую мы помещаем ответы и, стало быть, выводы, которые были сделаны из той или другой заметки, того или другого фельетона или карикатуры, она, конечно, очень тоже помогает популярности журнала. Но эта сторона неизменна с самого начала возникновения журнала.

Версия происхождения названия «Крокодил»

Теперь я вам хочу рассказать, как возникло название «Крокодил».

В.Д.: Да, пожалуйста.

В.А.: Рыклин пишет, что якобы название «Крокодил» придумали несколько человек, в том числе и он, на совещании на даче у Демьяна Бедного в Мамонтовке*. А я слышал другую версию, которая мне кажется более правдоподобной. Долго не могли придумать названия, и опять в который-то раз в редакции... Она помещалась на Тверской улице, тогда еще не было улицы Горького, на том ее отрезке, который уничтожен, и на его месте — боковой фасад гостиницы и ресторана «Москва»... напротив Лоскутной гостиницы и Обжорного ряда... Так вот, сидели и заседали. В это время появился репортер, местный, корреспондент «Рабочей газеты» (а «Крокодил» входил в систему «Рабочей газеты»), который был знаменит следующим: он был в Смоленске корреспондентом и прислал заметку, что где-то в Десне или в Днепре обнаружен был живой крокодил. Это, конечно, не напечатали, но с тех пор его стали звать Крокодилом, самого этого репортера. И, когда он сунул нос в комнату, кто-то сказал: «А, Крокодил

пришел!» — и тогда сказали: «А вот и название!»

* Неточность. На самом деле, Г.Е. Рыклин вспоминает о том, как он, Кольцов, Ильф, Петров и В.А. Регинин на даче у Демьяна Бедного в Мамонтовке придумывали название другого журнала — «Чудак», а не «Крокодил»: «...опять начали спорить. Кто-то кого-то назвал чудачком. Кольцов при этом напомнил изречение Горького: "Чудаки украшают жизнь". И вдруг, оживленный, он вскочил с места: — Товарищи, а почему бы не назвать журнал — "Чудак"?» (Рыклин Г.Е. Встречи приятные и неприятные. М.: «Известия», 1961, с.43–44). Правда, Рыклин здесь приводит и свою версию «любопытной истории о том, как "Крокодил" стал "Крокодилом"». Но эта история относится не к «совещанию» на даче у Демьяна Бедного, а к недавнему прошлому, о котором рассказал присутствующим «всезнающий Регинин». Четыре вечера подряд «юмористы и сатирики» безуспешно пытались придумать название нового журнала. И вот в очередной раз запирая за ними дверь, «старик сторож укоризненно сказал: — Эх, вы, крокодилы! — О! — воскликнули юмористы и сатирики. — "Крокодил" — лучшего названия не придумаешь...» (там же, с.43). А по воспоминаниям художника-карикатуриста Бориса Ефимова, название «Крокодил» возникло несколько иначе: оно было предложено членом редколлегии «Рабочей газеты» Сергеем Гессеном, наряду «с другими существительными, обладающими острыми и колючими свойствами» и «всевозможными кусающими и жалящими представителями животного мира». Причем предложение Гессена воспринималось «под общий смех и ироничные возгласы». — «А что? — защищался Гессен. — Чем плохо — Крокодил? Ей-богу, подходяще!». Решающим оказалось слово К.С. Еремеева, «дяди Кости»: «"Крокодил". Я — за предложение Гессена». На возражения о том, что «Крокодил», получается, «отталкивающий», он ответил: «Зато зубаст». А на то, что читатель его не полюбит, заметил: «...от вас, художников и поэтов, зависит сделать "Крокодил" симпатичным, привлекательным, дорогим. От вас зависит, чтобы читатель оценил и полюбил нашего "Крокодила". Одним словом — "Крокодил"» (см.: Ефимов Бор. Мне хочется рассказать рассказать. М.: «Советский художник». 1970, с.23–24). Кстати, по поводу того, как возникло название «Чудак»: А.И. Дейч в воспоминаниях о Кольцове описывает другой вариант этого события. Они с Кольцовым отправляли на подмосковной почте шутивное приглашение друзьям приехать на его (Кольцова) дачу. Телеграфистка, подсчитывавшая слова очень длинной телеграммы, улыбнулась и сказала: «Чудаки! Думаете, по городскому тарифу, а тут уже загородный». Выйдя на улицу, Кольцов воскликнул: «Чудаки, чудаки! Хорошо бы затеять сатирический журнал "Чудак"». Дейч так завершает свое повествование об этом: «Не ручаюсь, но допускаю, что клязьминская телеграфистка дала название одному из самых талантливых наших журналов сатиры и юмора» (Дейч А.И. День нынешний и день минувший. Литературные впечатления и встречи. М.: «Советский писатель», 1969, с.67).

В.Д. (усмехается): Это правдоподобно!

В.А.: Самое интересное, что очень талантливый и острый роман — сатирический — Михаила Афанасьевича Булгакова «Роковые яйца»... Читали вы этот роман?

В.Д.: Конечно! Тогда читал и теперь читал.

В.А.: В этом романе происходят такие события: вследствие оплошности каких-то там деятелей сельского хозяйства были посланы на места яйца не куриные...

В.Д.: Кстати, поэтому неверно говорить роковые яйца. Это ро́кковые яйца. Ведь это Рокк послал! Тут игра слов. Эти яйца послал Рокк... Ро́кковые яйца стали роковыми*.

* Видимо, Дувакин здесь не прав. Той игры слов, которая ему видится, здесь нет, а фамилия Рокка скорее связана именно с идеей рока. По словам Б.В. Соколова, «сама эта фамилия, возможно, родилась от сокращения РОКК — Российское Общество Красного Креста, в госпиталях которого Булгаков работал врачом в 1916 г. на Юго-Западном фронте первой мировой войны — первой катастрофы, которую на его глазах пережило человечество в XX в. И, разумеется, фамилия незадачливого директора совхоза «Красный луч» указывала на рок, злую судьбу» (Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М.: «Алгоритм», 2003, с.440).

В.А.: Ну, так можно говорить роковые. Это неважно, важно, что там где-то в западной губернии из яиц вылупились не куры, а разные гады: крокодилы, страусы и потом змеи. Вот. Так что вот откуда название «Крокодил».

ОМОЛОЖЕНИЕ ПО-НИЖЕГОРОДСКИ.

«Нижегородская Коммуна» в отделе «Отовсюду» печатает:

«Из деревни в Ленинград прибыл для производства операции грыжи 110-тилетний крестьянин Богданов. Когда ему сделали операцию, в больницу был доставлен раздавленный молодой человек. Врачи предложили Богданову сделать ему омоложение и вшили в правую грудь половые железы молодого человека. После омоложения Богданов чувствует себя так, как если бы ему было 40 лет».

Советуем редакции «Нижегородской Коммуны» омолодить товарища, писавшего эту заметку, влив ему в голову мозги какого-нибудь раздавленного молодого человека. Обязательно сообщите, как он себя после этого будет чувствовать.

Заметка из раздела «Вилы в бок». «Крокодил» N13 (173), апрель 1926 г.

Кстати, первый номер «Крокодила» имеет обложку такую: что страшная пасть крокодила пробила насквозь лист «Рабочей газеты» и явилась, так сказать, на свет. Если хотите, я вам могу показать эту книжечку*.

* По-видимому, речь идет либо о небольшом альбоме «Враги и друзья в зеркале "Крокодила". 1922–1972» (М.: «Правда», 1972), либо о сборнике «Нестор из "Крокодила". Крокодильское литературное наследие за 50 лет (1922–1972)» (М.: «Правда», 1972). Правда, оба издания трудно определить как «книжечки», к тому же в первом из них нет «статьи» Ардова, а второе вообще не «посвящено истории, собственно мемуарам о журнале "Крокодил" за 50 лет» и в нем напечатана только написанная Ардовым «трагикомедия в пяти картинах со счастливым концом» под названием «Вот что наделали справки твои...» (с.292–295). Рисунок самой первой обложки воспроизводится только на обложке первого издания и отсутствует во втором издании. Возможно, Ардов что-нибудь перепутал.

В.Д.: Номер у вас есть?

В.А.: Не номер, а этот рисунок был воспроизведен в книжке, которая посвящена истории, собственно мемуарам о журнале «Крокодил» за 50 лет. Она вышла в 72-м году. Там есть и моя статья. В общем, я вам покажу ее, эту книжечку.

В.Д.: Хорошо, это потом, сейчас мы не будем прерывать.

В.А.: Атмосферу в редакции, какую я застал в 25-м (очевидно, она же была и до того и еще долго после), составляла, я бы сказал, безудержная молодая радость всех наших сотрудников по поводу того, что мы делаем такое полезное, нужное дело и в то же время веселое дело.

Есть в жизни сатирического журнала неизбежный, так сказать, ритуал: это заседание, возможно более широкое, по придумыванию сюжетов для карикатур. Видите ли, в каждый номер отмечается 20 — 25 рисунков: больших, маленьких, посвященный международным темам или бытовым, шуточным и так далее. Для того чтобы получить 20 тем, надо придумать 100 тем, потому что далеко не каждая тема годится для опубликования. Иные — вредные идейно. Бывало, Кольцов, когда он был редактором «Крокодила», после 34-го года, если предлагали какую-нибудь сомнительную тему, говорил: «Это вы пошлите Милкову в Париж, в его белогвардейскую газету*, а мы печатать не будем». Но это возникало не из

злонамеренности сотрудников, а просто, когда придумает человек тему, он ее несет, не очень соображая, хорошая она или плохая, уместна или нет, а там, на темном заседании, всё разберут, уточнят, доделают и так далее.

* П.Н. Милюков издавал газету «Последние новости». Но в своих мемуарах о Кольцове сам Ардов вспоминал, что редактор «Крокодила» говорил иронически: — Эту темку пошлите в Париж в белогвардейскую газету “Возрождение”. Там возьмут охотно» (см.: О «Чудаке» и «чудаках вспоминает писатель Виктор Ардов // Михаил Кольцов, каким он был. М.: «Советский писатель», 1965, с.215). О борьбе Кольцова, который до 1933 г. был корреспондентом «Правды» в Париже, против газеты «Возрождение», кстати, конкурировавшей с «Последними новостями», см. в воспоминаниях его брата, художника Бориса Ефимова: Михаил Кольцов, каким он был. М.: «Советский писатель», 1965, с.49.

Ну так вот, сидят 20 — 25 человек юмористов, художников, литераторов и даже специальных темистов... Сравнительно скоро среди нас появился самый одаренный среди темистов — Михаил Александрович Глушков. Если вы хотите про него узнать что-нибудь, возьмите сатирический роман Ильфа и Петрова «12 стульев» — он выведен там как обладатель одного из стульев, он так и назван — темистом — под фамилией Авессалом Владимирович Изнурёнков. Это он. Причем описан необыкновенно похоже, даже со стороны манер, фразеологии и прочее. Так вот, придумывая темы, веселились обычно всегда. Я помню, когда в «Чудаке» бывали такие темные заседания, если мы уж очень все расшалимся и придумываем всякие глупости, то Ильф, который был самый взрослый и не только, собственно, по возрасту, а по характеру, строго спрашивал: «Кончится этот пир остроумия или нет?» Так вот, тональность этих заседаний, тональность взаимных розыгрышей и шуток была очень непринужденной и интересной, что не мешало делать журнал таким, каким мы его знаем в первых комплектах.

В.Д.: А из этих вот розыгрышей и шуток вы не помните таких, которые не попали в журнал, но были интересны?

В.А.: Видите ли, у нас, помимо розыгрышей, шуток, был еще внутриредакционный альбом. В него наклеивались и рисунки, и персональные шаржи, и стихи, и прочее. Этот альбом, не знаю, куда потом делся, но он был очень интересный.

” А что касается розыгрышей и шуток, то они были ежедневно, ежедневно. Все друг над другом шутили.

Я помню, например, Константин Павлович Ротов — человек с необыкновенно, так сказать, золотыми руками — полчаса потратил на то, чтобы сделать... как это называется на базаре? — «кукла»: он сверху и снизу положил по 3 рубля настоящих, а внутри чистую бумагу, и получилось... фальшивые триста рублей...

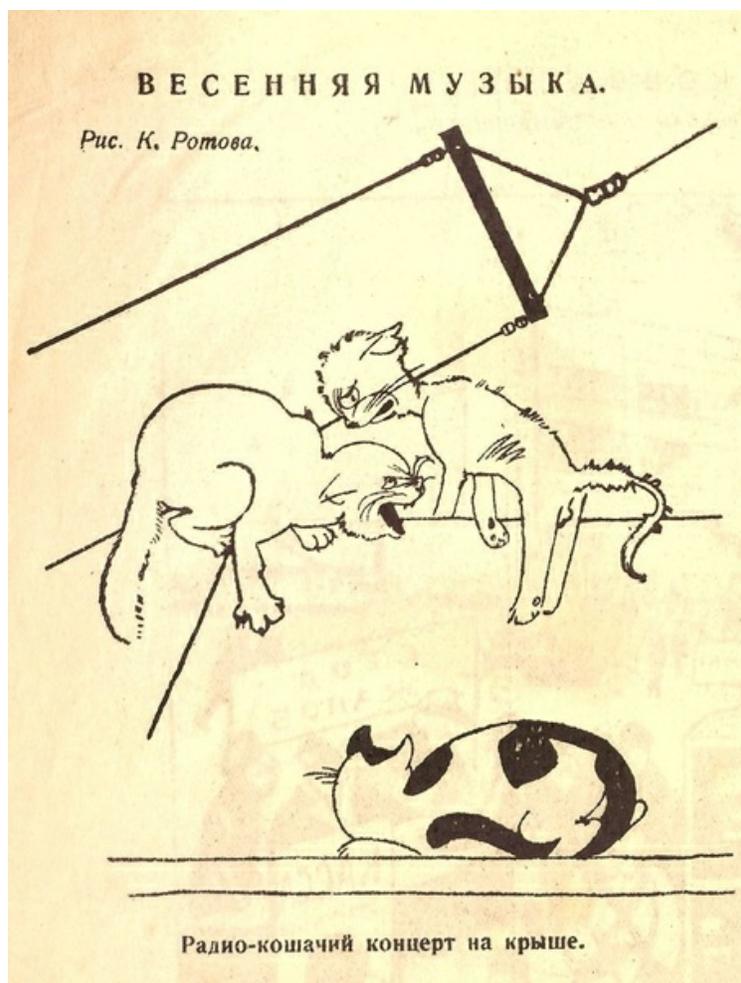

Рисунок К. Ротова. «Крокодил» N13 (173), апрель 1926 г.

В.Д.: Ну да, это был прием жуликов, который очень широко использовался.

В.А.: И, сделав эту штуку, обернул госбанковской бумагой. Он сказал вошедшему Бухову: «Аркадий Сергеевич! Я вам должен был 200 рублей, вот вам 300, отдайте мне 100 сдачи». Бухов отдал 100 рублей настоящими, и тут мы все заржали с большой радостью, а Бухов понял, что его, значит, обманули, и тоже смеялся*.

* О добродушном и веселом характере графика и карикатуриста Ротова (1902–1959), который «всегда улыбался» и «всегда рисовал», пишет Рыклин в мемуарной новелле «Улыбка Ротова»: (Рыклин Г.Е. Встречи приятные и неприятные, с.51–56). Здесь же описаны некоторые из розыгрышей Ротова, подобные тому, о котором рассказал Ардов.

В.Д.: Ну, это было совершенно всерьез, при всяких покупках с рук на рынке — это был принятый прием.

В.А.: Ну да, я потому и говорю — «кукла». Ну, вот это один из розыгрышей. Потом — реплики, не всегда даже пристойные, которыми мы обменивались.

”

Я помню, я раз опоздал на заседание, Ротов, увидев меня, показал на меня пальцем и закричал: «Посмотрите, что пришло!»

Однажды Ротов и Ганф сговорились устроить мне пытку вежливостью. Мы друг другу говорили невежливые слова, а тут, когда я вошел, все встали, поклонились и сказали: «Здравствуйте, Виктор

Ефимович», я сказал: «Здорово, негодяи!» Они сказали: «Ай-яй-яй, как нехорошо, садитесь, пожалуйста!» И, в общем, они минут двадцать разговаривали со мной в великосветском тоне, пока я не взмолился, сказал: «Братцы, довольно!»

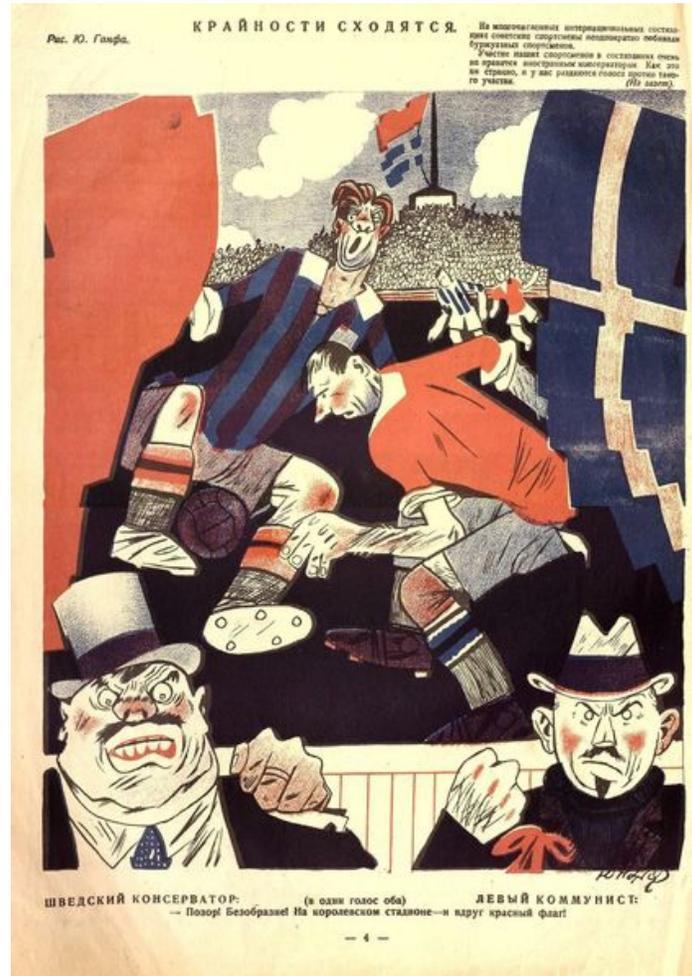

Рисунок Ю. Ганфа. «Крокодил» N13 (173), апрель 1926 г.

В.Д. (*смеется*): Хорошо.

В.А.: Потом, конечно, взаимные шаржи. Вон у меня в той комнате есть целый, я бы сказал, киот шаржей на меня, сделанных в 20-х годах, главным образом. Там работы и Кукрыниксов, и Ротова, и Малютина, и других наших корифеев.

В.Д.: Надо это в Литературный музей отдать.

В.А.: Впоследствии отдадим, да. Я сейчас с ними поссорился, потому что Шахалова* как-то неправильно себя ведет по отношению ко мне. Там был Тимрот** — с ним можно было работать. Ну, ладно.

* Наталия Владимировна Шахалова (1924–2006), была директором Литературного музея в течение 45 лет.

** Александр Дмитриевич Тимрот (1915–2005), был директором Литературного музея, до начала 1960-х гг.

Я должен вам сказать, что эта атмосфера в «Крокодиле» не мешала журналу выполнять свои общественные функции. А ведь годы были такие, что классовая борьба еще не была отвлеченным понятием для нашей страны. Я уж не говорю, что после решений ЦК в 29-м году мы все стали, так сказать, строже и беспощаднее в высказываниях: проблема кулака возникла и так далее... Но и до того, во время

нэпа, очень многое приходилось изображать в острых сатирических тонах.

О Иванове–Грамене, Кольцове и Дейче

Во главе журнала, когда я пришел туда, был старый коммунист Николай Константинович Иванов-Грамен*.

* Фельетонист Николай Константинович Иванов (псевдоним Грамен, 1885–1961) с самого начала участвовал в создании «Окон Роста». Маяковский отмечал: «Первое время над текстом работал Грамен, дальше почти все темы и тексты мои» (Маяковский В.В. Только не воспоминания // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т.12. 1959, с.153). И художник М.М. Черемных вспоминал: «Я сговорился с Ивановым-Граменом и на свой страх и риск сделал первое “Окно Роста”. Был в Роста шрифтовик, который писал ежедневно вывешивавшиеся в окнах “последние телеграммы”. Он написал для “Окна” текст, сочиненный Граменом, я сделал рисунок. “Окно № 1” показал Керженцеву и, получив его одобрение, вывесил в витрине бывшего магазина Абрикосова на углу Чернышевского переулка и Тверской... Первые же “Окна” имели большой успех. Мы стали их вывешивать и в витринах других магазинов: на Кузнецком мосту, на Сретенке» («Искусство», 1940, № 3, с.45). В 1922–1923 гг. Иванов-Грамен преподавал теорию публицистики в Государственном институте журналистики. См.: Грамен. Не в лоб, а по лбу. М.: ЗИФ (Из серии «Библиотека сатиры и юмора»), 1927

В.Д.: Вот о нем, что помните, все расскажите! Я его видел, познакомился, но он уже был... плох.

В.А.: Иванов-Грамен был очень скромный, я бы сказал, тихий человек, что даже представляло контраст с той шайкой литераторов и художников, которой он руководил. Он-то был безукоризненно вежлив всегда, ему было трудно сказать автору, что не пойдет такая-то вещичка по каким-нибудь, там, идейным соображениям или художественным. Вел он себя необыкновенно сдержанно и к тому же он был немножко глуховат, так что особенно принимать участие в наших буйствах ему было трудно. Журнал он вел в том направлении, в котором его оставил Еремеев. Через некоторое время после него возникли другие редактора, например, Михаил Захарович Мануильский*.

* Михаил Захарович Мануильский (1892—1955) — государственный и партийный деятель, журналист, ответственный редактор журнала «Крокодил» (1930—1934). Младший брат советского политического деятеля Дмитрия Захаровича Мануильского (1883—1959).

В.Д.: Это вот тот самый Мануильский, крупный политический деятель?

В.А.: Нет, это младший брат Дмитрия Захаровича. Дмитрий Захарович был руководителем Коминтерна, а впоследствии министром иностранных дел Украинской ССР, а что касается Михаила Захаровича, то он был у нас, а потом ушел членом редколлегии в «Правду». Это тоже был очень добрый, тихий и спокойный человек, которого мы теребили... Замечательно в нем было то, что он необыкновенно как-то застенчив был в жизни*. Когда была чистка партии в 29-м году, он все боялся, что его исключат из партии, хотя никаких за ним ни проступков, ни отклонений не было, и он как-то сказал: «Вот чистка скоро будет...» На что Глушков ему сказал: «Знаем мы вашего брата!»**

* Г. Рыклин писал о нем: «Добрейший и милейший Михаил Захарович Мануильский, тогдашний редактор, <...> сердиться <...> не умел, и его выговоры нерадивым авторам не отличались высокой квалификацией» (Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: «Советский писатель», 1963, с.145).

** Ср. другую версию этой истории, изложенную в комментариях А.И. Ильф к книге Евгения Петрова «Мой друг Ильф»: «В 1936 г. остроумие привело его [А.М. Глушкова] к аресту и ссылке. Как-то раз на собрании сотрудник Жургаза сослался на мнение брата, а тот работал на Лубянке... “Знаем мы вашего брата”, — выкрикнул с места Глушков. Юмора не поняли. Он вернулся из ссылки через двадцать лет и через два года умер» (Петров Е. Мой друг Ильф. / Составление и комментарии А.И. Ильф. М.: «Текст», 2001, с.24–26).

А его, Мануильского, сменил Михаил Ефимович Кольцов*. В 34-м году. Кольцова назначили главным редактором «Крокодила», потому что «Крокодил» был передан в систему «Правды» из другой системы. Я о нем написал большие мемуары — листов пять — шесть, они напечатаны в 62-м году в журнале «Звезда»** и вышли в сборнике, посвященном Кольцову, в «Советском писателе» несколько лет тому назад***. С Кольцовым меня связывала многолетняя личная и творческая дружба. Это был человек необыкновенно одаренный. Журналист первоклассный, мирового класса журналист, а редактор он был самый толковый, я бы сказал, потому что у него была высокая техника редактирования. Вы знаете, вот ему дадут полосу, он две — три фразы исправит — и все придет в норму, все уже окажется приемлемым и так далее. У Кольцова всегда бывали заместители по «Крокодилу», которые и делали журнал, а ему мы предоставляли уже готовые полосы.

О Кольцове см.: Миндлин Э.Л. Двадцатые годы // Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники, с.259–276.

** См.: Ардов В.Е. Писатель, редактор (О Михаиле Кольцове) // «Звезда», 1962, №11, с.161–185.

*** См.: О «Чудаке» и «чудаках вспоминает писатель Виктор Ардов // Михаил Кольцов, каким он был, с.214–228. См. также: Михаил Кольцов // Ардов В.Е. Этюды к портретам, с.123–140; Ардов В.Е. Великие и смешные, с. 139–157.

Михаил Кольцов в Испании. 1936 г. Автор Unk / Снято на фотоаппарат «ФЭД» Михаила Кольцова (собственная работа photo) [Public domain], через Викисклад

В.Д.: Он уже тогда был в «Огоньке» тоже, параллельно?

В.А.: Он уже был председателем правления издательства «Жургаз». И по случайным обстоятельствам «Крокодил» попал не в «Жургаз», а в «Правду»... А в «Жургазе» было 5 газет и 15 журналов. «Огонек» возник в 23-м году, и с 23-го года по самый арест (Кольцова арестовали в 38-м году, потом в 42-м году убили, а потом, конечно, посмертно реабилитировали) в «Огоньке» он 15 лет был главным редактором, а у нас в «Крокодиле» он тоже был главным с 34-го по 38-й.

В.Д.: А кого сменил Кольцов непосредственно? Кто перед ним?

В.А.: Мануильского. Я же вам сказал.

В.Д.: Мануильского. Перед этим, значит, Иванов-Грамен и перед этим — Еремеев?

В.А.: Да, Еремеев. На «Крокодил» еще воздействовал Николай Иванович Смирнов — главный редактор «Рабочей газеты» и издательства, но он был, так сказать, фигура вне коллектива журнала и никогда к нам не приходил.

А что касается Кольцова, то, когда мы ему подавали полосы, он, бывало, что-нибудь выбрасывал, зачеркивал на полосах, и мы говорили, что «старик вытоптал» фельетон или карикатуру.

В.Д.: Старик?

В.А.: «Старик» мы его называли*, хотя он старше меня на два года, но он всегда был очень взрослый. Я помню, артистка Вера Леонидовна Юренева** — она была одно время его женою, причем она была старше его на 20 лет, и мне она потом уже говорила в Москве (этот брак их был в Киеве, в годы гражданской войны) — она говорила: «Когда я с ним познакомилась, ему было 19 лет, но он был такой умный, такой взрослый, такой серьезный, что мы не ощущали разницы в возрасте». Это воистину так. Он был удивительно еще умен, я бы сказал, практически — не в пошлом смысле, а просто — он знал жизнь. Про себя он говорил, что он «склоковед» — не склоковод, он не вел склоки — он разбирался в склоках. Это действительно так и было. К нему входил в кабинет посетитель, а он уже знал, что тот будет говорить, настолько он хорошо понимал жизнь.

* Интересно, что В.И. Ленина тоже в дружеском кругу называли «стариком». Ср. в воспоминаниях Мариенгофа: «Однажды иду я по Александровскому саду. Навстречу — фельетонист “Правды” Михаил Кольцов. Он прямо от Владимира Ильича из Кремля. Безобразие! — говорит Кольцов с нежностью в голосе. — Взяли Старика в халтуру. Прихожу, а он примус накачивает, чтобы суп себе подогреть. Эпоха!» (Мариенгоф А.Б. Мой век, мои друзья и подруги // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича и Грузинова, с.137).

** В.Л. Юренева (1876–1962) в 1902 г. окончила Императорские драматические курсы при Александринском театре (по классу В.Н. Давыдова), затем была актрисой в Одессе, Киеве, Москве (театры К.Н. Незлобина, Ф.А. Корша, МХАТ — в 1930–1936), Петрограде-Ленинграде (Александринский театр, Ленинградский академический театр драмы). С.И. Юткевич писал о Юрениной в своих воспоминаниях о Киеве 1919 г.: «Премьершей была Юренина, отличавшаяся несколько манерной игрой, с растянутыми, певучими интонациями речи, что, впрочем, соответствовало тем ролям декадентских “соблазнительниц”, которых ей приходилось играть Второе рождение Юрениной наступило с приходом в театр К.А. Марджанова, который рискнул поручить ей героическую роль крестьянки Лауренсии в знаменитом спектакле “Фуэнте овехуна”» (Юткевич С.И. Собрание сочинений в 3 тт. Т.1. Молодость. М.: «Искусство», 1990, с.20). Этот киевский спектакль по пьесе Ф. Лопе де Вега «Овечий источник», поставленный Марджановым, вошел в историю советского театра. См. также: Юренина В.Л. Записки актрисы. М.–Л.: «Искусство», 1946.

В.Д.: В этом духе вот Дейч пишет сейчас о нем*.

* См.: Дейч А.И. Михаил Кольцов // Дейч А.И. День нынешний и день минувший. Литературные впечатления и встречи. М.: «Советский писатель», 1969, с.61–62.

В.А.: Да, Дейч тоже киевлянин. Кстати, если вы хотите, я вам расскажу поразительный эпизод из жизни Дейча. Дейч дружил с Анатолием Васильевичем Луначарским еще в Киеве (ведь Луначарский тоже киевлянин), а потом в 19-м или в 20-м году Дейч был уже в Москве, но продолжал встречаться, иногда даже совместно с Луначарским писал что-то*. Однажды вечером Дейч работал у себя в кабинете, как вдруг пришли трое молодых людей из комсомольской ячейки. Они увидели, что у Дейча очень много книг, и сказали: «Так не годится! Вот вы один человек, а у вас книг, наверно, несколько тысяч. Надо их национализировать и передать в библиотеку нашу домовую — пускай молодежь, да и вообще все, кто хочет, пусть читают». Дейч стал возражать, тогда главарь этой тройки сказал: «Слушайте, товарищ Луначарский сказал: „Больше 500 книг на одного человека быть не должно!“» И тут из комнаты Дейча вышел Луначарский и сказал: «Ничего подобного я никогда не говорил!» Эти ребята так испугались, что вышел нарком, что убежали просто.

* Александр Иосифович Дейч (1893–1972) подружился с А.В. Луначарским (1875–1933) не в Киеве, а в Париже — летом 1913 г., когда Дейч путешествовал по Европе, а Луначарский находился во французской столице как политический эмигрант. Следующая их встреча, закрепившая дружеские отношения, произошла в начале 1920-х г. тоже не в Киеве, а в Москве. Но, конечно, то, что молодость каждого из них (в разное время) прошла в Киеве, очень способствовало укреплению дружбы (см. об этом: Дейч А.И. Голос памяти // Дейч А.И. Голос памяти. Театральные впечатления и встречи. М.: «Искусство», 1966, с.309–310).

В.Д. (смеется): Хорошо! Это Дейч написал?

В.А.: Написал! Есть! Я у него же это прочитал*.

* См. об этом там же.

В.Д.: Нет, книжку я только что вот, в больнице, прочитал, и там нет этого.

В.А.: Да это неважно, в какой книге...

В.Д.: Ах, может, это раньше? Возможно. Ну, хорошо. Значит, вы охарактеризовали в целом журнал, его редакторов и коллектив — так я понимаю. Кстати, я хотел один вопрос задать о киевлянине Михаиле Кольцове. Мне рассказывали, что его перетащил из Киева Сосновский, что он с Сосновским работал раньше. Вы Сосновского не застали уже*?

* Лев Семенович Сосновский (1886–1937), участник революций 1905–1907 и 1917 г. на Урале, в 1918–1919 гг. был председателем Екатеринославского губисполкома и Харьковского губкома компартии Украины. В 1920 г. переехал в Москву, где под руководством Л.Д. Троцкого занимался созданием массовой газеты железнодорожников «Гудок», был ее первым редактором. С 1921 г. возглавлял агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б). Редактировал газету «Беднота», много публиковался в центральной печати, выступал, в частности, со статьями в «Правде», «Известиях», «Рабочей газете» и т.д. В 1922 г. являлся участником международной Генуэзской конференции в составе советской делегации. В 1927 г. Сосновский был исключен из партии XV съездом ВКП (б) за инкриминировавшееся ему «участие в антисталинской оппозиции». В 1935 г., после написания покаянного письма, восстановлен в партии в 1935 г., однако в 1936 г. вновь исключен и арестован. Погиб Сосновский в 1937 г. Реабилитирован посмертно. О том, что Сосновский «перетащил» Кольцова с собой из Киева в Москву, сведений не найдено.

В.А.: Сосновского я лично не знал, но это был человек необыкновенно одаренный. Его можно сравнить по стилю и по остроте логической только с Дмитрием Ивановичем Писаревым. Удивительно демократичный и интересный был писатель. Вероятно, так и было. Сосновский был первым фельетонистом «Правды», не только по времени, но и по положению.

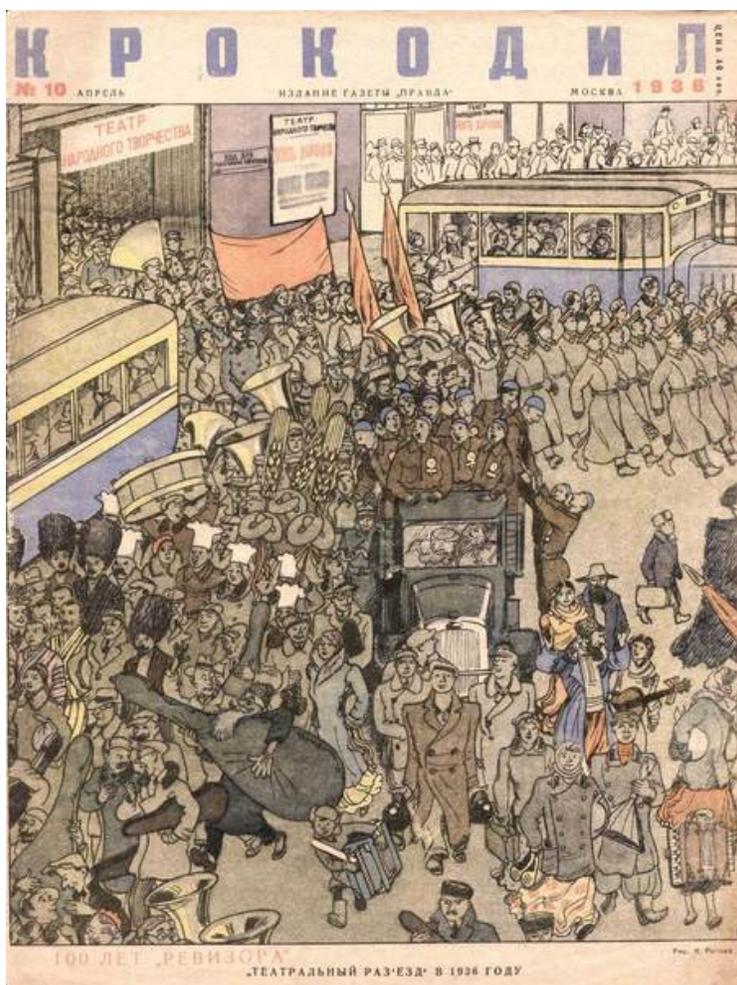
В.Д.: Кольцов его, так сказать, сменил в какой-то степени.

В.А.: Видите, какая штука. Когда Сосновского арестовали, Кольцов еще некоторое время работал. Сосновского арестовали не в 37-м году, а значительно раньше.

В.Д.: Раньше! Сразу! Как активного троцкиста. Он же был одним из близких Троцкому людей, и его сначала исключили из партии, и он был в списке, который был утвержден XV съездом партии об исключении троцкистов — там же прямо постановление ЦК было: все участники объединенного троцкистско-зиновьевского блока... А потом он вернулся и был арестован позднее уже — со всеми... Вы о личных отношениях его с Кольцовым ничего не знаете?

В.А.: Нет, не знаю.

Об авторах «Крокодила»

Обложка работы Ю. Ротова. «Крокодил» N10, апрель 1936 г.

В.Д.: А, ну, тогда не стоит. Тогда, может быть, мы перейдем к тому, что вы расскажете о людях, которые приходили, об авторах, с которыми вы имели дело?

В.А.: Я дружил в «Крокодиле», естественно, со многими. Ну, Ротов Константин Павлович — человек поразительного юмора и дарования*. Он сам донской казак. Юность провел в Ростове. И вот ему было лет четырнадцать, а с виду и того меньше (он был с розовым подкожным румянцем, нескладный и некрасивый подросток), когда он пришел в ростовскую краевую газету «Молот». (Это мне рассказывал старый журналист Александр Оленин — он потом умер). Так вот, Оленин рассказывает, что однажды в «Молот» пришел почти ребенок и принес карикатуру, где было изображено 30 или 40 фигур, причем необыкновенно искусно, выразительно, динамично. Ротов впоследствии рисовал до ста и полутора ста личностей на одном листе, а тут, значит, они посмотрели рисунок и решили, что мальчик украл чей-то труд. Тогда они, чтоб проверить, сказали: «Тут все хорошо, мы можем напечатать, но нужны небольшие поправки».

* О драматической судьбе Ротова, который был дважды осужден: в 1940 г. на 8 лет в Соликамском концлагере и в 1948 г. на поселение в Енисейском крае, а после реабилитации прожил всего 6 лет, см.: Соколов Н.А. Встречи в лагере // Соколов Н.А. Вспоминаю. М.: АСТ, 1998, с.133–143 См. об этом также: О «Чудаке» и «чудаках» вспоминает писатель Виктор Ардов, с.221.

Мальчик сказал: «Так у вас есть тушь и перо?» — «Есть» — «Ну, так я сейчас сделаю!» И действительно, сел и в той же манере, в какой было нарисовано, поправил все. Тогда стало ясно, что это он.

Ротов был очень плодовит, с великолепной фантазией юмористической. До сих пор ведь помнят такие его листы, как «Сражение на кухне», где один человек в другого направляет водопроводную струю, потом кто-то кого-то бьет кастрюлькой, сковородкой по черепу, и, наконец, один из дерущихся своего врага засунул носом в мясорубку и уже идет первый фарш — ведь это какая фантазия! Или «Мертвый час в доме отдыха», где все шумят... потом стадионы, театры и так далее.

Я помню художника Алексея Александровича Радакова*, который был одним из основателей журнала «Сатирикон» до революции, не эмигрировал, а остался у нас — он тоже в «Крокодиле» участвовал.

* Алексей Александрович Радаков (1879–1942) — русский художник-карикатурист, плакатист, живописец, иллюстратор, театральный художник. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (1900). В 1905–1917 гг. занимался в художественном училище барона А. Штигица (Санкт-Петербург) и мастерской П. Лорана (Париж). Еще до революции 1917 г. он получил известность, сотрудничая в популярных российских журналах «Сатирикон» (1908–1914) и «Новый Сатирикон» (1913–1918), экспонируя свои работы на больших и малых выставках новых художественных объединений. Посещал Париж, Лондон, Мадрид, Берлин, где работал в мастерских Т. Стейнлейна, Л. Форена, П. Лорана (1918–1920). В годы гражданской войны (1919–1921) работал в Петрограде как плакатист, создавал агитационные плакаты в «Окнах сатиры Роста», из которых самым известным стал «Неграмотный — тот же слепой...» (1920). Сразу после Октябрьской революции он оформлял спектакли авангардистов в петроградском Государственном Большом Драматическом Театре, в 1919 г. издавал веселый детский журнал «Галчонок», рисовал для созданного М. Горьким детского журнала «Северное сияние» и даже основал в Петрограде артистический кабачок «Петрушка», который сам и оформил. В театре начал работать в 1912 г. («Царь Фалалей», Литейный театр, Петербург). Оформлял спектакли в театрах «Летучая мышь» (Москва), «Бродячая собака» (Петербург) и др.; ряд спектаклей подготовил с режиссером К.А. Марджановым. Основные работы: «Много шума из ничего» (1919), «Разбойники» (1919) в Петроградском Большом драматическом театре; «Дон Паскуале» Доницетти (1922, Троицкий театр, Петроград), «Лебединое озеро» (Одесский театр оперы и балета) и др. В 1922–1929 гг. сотрудничал в журналах «Лапоть», «Бегемот», «Бич», «Смехач», «Безбожник», «Крокодил». В 1930-х гг. деятельность художника была связана с Москвой и журналом «Крокодил». Разнообразна «палитра» его сатиры, юмора и иронии. Блестящее остроумие, меткая образность, постоянная политическая чуткость отличают этого мастера карикатуры и являются причиной того, что многие его рисунки остаются смешными и актуальными даже десятки лет спустя. В 1941 г. делал плакаты для «Окон ТАСС». Умер в Тбилиси в 1942 г. См.: Радаков А., Юнгер А. Альбом. М.: «Советский художник», 1989; Абрамский И.П. Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил». М.: «Искусство», 1977, с.186–190.

давать в «Сатириконе» в 15-м, 16-м годах... то иллюстрации к «Гимнам» и «Одам» Маяковского делал Радаков.

* Вероятно, имеется в виду изданная в 1915 г. книга Аверченко «Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (см.: Аверченко А.Т. Хлопотливая нация. М.: Издательство политической литературы, 1991, с.249–358). Текст книги написан при участии еще одного сатириконца — Георгия Ландау.

В.Д.: Ну да, это десять раз воспроизведено во всех альбомах Маяковского, это известно: ученый, у которого голова откусана книгой, и так далее.

В.А.: Да! Но интересно, что из всех художников «Сатирикона» (а там были талантливые мастера) именно Радаков иллюстрировал эти стихи.

В.Д.: А Ре-Ми не перешел к вам в «Крокодил»?

В.А.: Нет! Ре-Ми уехал в Америку и там сделал большую карьеру. Он там чего-то рисовал и прочее. Ре-Ми сразу эмигрировал.

В.Д.: Ре-Ми — это Ремизов, нет?

В.А.: Ремизов, да*. А вот кто еще остался из талантливых сатириконцев — это Николай Эрнестович Радлов**. Он иногда печатался в «Крокодиле», но в основном он жил в Ленинграде и только во время войны переехал в Москву.

* Николай Владимирович Ремизов выведен в той же книге под фамилией Мифасова (о нем Ардов рассказывает Дувакину в первой беседе).

** Н.Э. Радлов (1889–1942) в 1911 г. закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и в 1913 г. — Петербургскую Академию художеств. См. о Н.Э. Радлове: Иоффе М.Л. Николай Эрнестович Радлов (Творческий портрет). Радлов Н.Э. Избранные статьи. М.: «Советский художник», 1964; Иоффе М.Л. Десять очерков о художниках-сатириках. М.: «Советский художник», 1971, с.122–161. К.И. Чуковский писал о писателе и художнике Н.Э. Радлове в своем «Дневнике»: «Вчера был у Николая Эрнестовича Радлова. Когда я с ним познакомился, это был эстет из “Аполлона”, необыкновенно опроборенный и тонкий. Несколько вялый, но изящный писатель. Потом “в незабываемые годы” это был муж стареющей и развратной, пьяной, крикливой и доброй жены, которая никак не подходила к нему — и нарушала все его эстетство. Он казался “бывшим человеком”, очень потертым, долго не умел приклеиться к революции и без конца читал английские романы — все равно какого содержания. Теперь он к революции приклеился: вдруг он оказался одним из самых боевых советских карикатуристов, халтурящих в “Бегемоте”, “Смехаче” и в “Красной”. Количество фабрикуемых им карикатур — грандиозно. Я спросил вчера: — Какую манеру (рисунка) вы предпочитаете? — Ту, которая скорее ведет к гонорару! Я рассматривал вчера его карикатуры. Они банальны. Но его шаржи вызывают у меня восхищение. Он отличается огромной зрительной памятью и чрезвычайно остро ощущает квинтэссенцию данного лица. Глаз у него лучше, чем рука. Поэтому его шаржи на Монахова, на Ершова, на Луначарского, на Нерадовского — незабываемо хороши — по психологической хватке, по синтезу. Но как непохожа его жизнь на те “Смехачи”, которых он — неотделимая часть. Великолепная гостиная, обставленная с изысканнейшим вкусом, множество картин и ковров, целая “анфилада” богато убранных комнат, — все это страшно подходит к его вялой, небрежной, аристократической, изящной фигуре» (Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М.: «Советский писатель», 1991, с.362. Н.Ф. Монахов — артист Большого драматического театра в Ленинграде, И.В. Ершов — певец, П.И. Нерадовский — художник, главный хранитель Русского музея).

В.Д.: Это брат... режиссера Сергея Радлова?

В.А.: Родной брат Сергея Эрнестовича и сын философа Эрнеста Радлова*. Он был очень талантлив как художник и кроме того был острый литератор, придумывал темы — человек одаренный. Иногда он подписывал свои фельетоны или заметки «Ермолай К. Ермолай». Это пародия на Джером К. Джером.

* В ОУИ НБ МГУ (ед. хр. №1005) имеется запись устных воспоминаний дочери Н.Э. Радлова, Лидии Николаевны Радловой, рассказывающей об отце, а также о С.Э. Радлове (1892–1958) и Э.Л. Радлове (1854–1928).

Рисунок Н. Радлова. «Крокодил» N32, ноябрь 1936 г.

В.Д.: А Вольпина вы знали?

В.А.: Вольпин мой лучший друг и по сей день. Михаил Давидович. Это человек очень интересный. Он начинал как сатирический поэт, и очень одаренный. У него превосходные рифмы, напев, ритм. Очень всегда острые, хорошие темы. А потом ему разонравилось быть поэтом, и он стал сейчас сценаристом, причем большим мастером сценария.

Но мне хочется вам рассказать один эпизод, связанный не с художником Радловым, а с его отцом — Эрнестом Радловым.

В.Д.: А, это интересно!

В.А.: Надо вам сказать, что в 20-х годах наш Гослитиздат выпустил книгу «Эстетика Аристотеля»*.

* Ошибка. В 1920-е гг. такого издания не выходило. Правда, в 1927 г. в ленинградском издательстве «Academia» вышла сходная книга: «Поэтика Аристотеля». Но в качестве переводчика здесь выступил Н.И. Новосадский.

В.Д.: Знаю, есть такая.

В.А.: Книга была такая: три листа аристотелевской эстетики и два листа текста — комментарий философа Радлова*. Стало быть, была выписана ведомость на гонорар по это книге, так же как и по другим...

* Единственная книга Э.Л. Радлова, в которой переводились, а затем комментировались теории Аристотеля, была следующая: Этика Аристотеля. Перевод с греческого с приложением «Очерка истории греческой этики до Аристотеля». СПб: Философское общество при Императорском Санкт-Петербургском университете, 1908 (последнее издание — СПб: «Наука», 2002).

В.Д.: А, Аристотелю выписали!

В.А.: И в среду, когда была выплата, пришел какой-то человек и сказал: «Тут Аристотелю есть деньги?» Кассир сказал: «По книгам или по журналам?» — «По книгам». Он сделал красную галочку в соответствующей графе и сказал: «Сумма прописью».

Человек сказал: «Ну, что ж, я не знаю, что ли!» Расписался за Аристотеля, взял и унес деньги.

В.Д.: У Маяковского есть об ОГИЗе: «Вшивают в Маркса аверченковы листы, выписывают гонорары Цицеронам»*. Это то же самое.

* Строки из стихотворения «Четырехэтажная халтура»: В центре мира / стоит ГИЗ — / оправдывает штаты служебный раж. / Чтоб книгу / народ / зубами грыз, / наворачивается / миллионный тираж. / Лицо / тысячеглазого треста / блестит / электричеством ровным. / Вшивают / в Маркса / Аверченковы листы, / выписывают гонорары Цицеронам. / (Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т.7. М.: «Художественная литература», 1958, с.112)..

В.А.: Да! Это довольно частое явление! Зозуля Ефим Давыдович* был заместителем редактора в «Огоньке» при Кольцове. А был в «Огоньке» бухгалтер — знаете, такой маньяк своего дела. Он сидел специально на гонорарах. Он пришел к Зозуле в году 28-м и сказал: «Ефим Давыдович! Вы скажите этому вашему писателю, Короленко, пусть он зайдет за гонораром, а то ведь я деньги заприходую государству!» А Короленко умер в 22-м году.

* Зозуля Ефим Давыдович (1891–1941), русский прозаик, писавший преимущественно в сатирическом жанре, с 1919 г. — один из организаторов и член редколлегии журнала «Огонек». В 1922 г. участвовал в создании журнала Крокодил. Погиб на фронте 3 ноября 1941 г.

В.Д.: В 21-м.

В.А.: В 21-м. Это тоже вот было. Теперь. Очень интересной фигурой был художник Лев Бродаты*.

* Лев Григорьевич Бродаты (1889–1954), российский график, карикатурист, заслуженный деятель искусств РСФСР (1945). Родился в Варшаве, жил у своего дяди в Вене, где посещал художественную студию Д.Кона и «Анна шуле», среднюю школу рисования и живописи, а затем Венскую академию изящных искусств, которую не смог закончить из-за материальных затруднений. Перед I мировой войной работал в Берлине, Вене, Кракове, рисуя карикатуры для журналов, занимаясь живописью. В 1914 г. был арестован в Варшаве жандармерией царской России за связь с группой революционно настроенной интеллигенции, несколько месяцев провел в тюрьме. Когда его вместе с другими политическими заключенными эвакуировали в Тверь, он по дороге сумел перейти на нелегальное положение в Петрограде. После Октябрьской революции, с середины декабря 1917 г., начал работать карикатуристом в «Правде». В 1918–1919 гг. издавал сатирический журнал «Красный дьявол», участвовал в выпуске «Окон сатиры Роста» в Петрограде, затем сотрудничал с журналами «Мухомор», «Бегемот», «Смехач» и т.д. В 1928 г. преподавал на отделении книжно-журнального рисунка в Академии художеств (Ленинград) и в 1930–1932 гг. в Московском полиграфическом институте. В 1931 г. переехал в Москву, перешел в «Крокодил» на постоянную работу в качестве заведующего художественной частью. Кроме создания карикатур занимался также книжной иллюстрацией: «Гамбург на баррикадах» Л. Рейснер (1932), «Гроздь гнева» Д. Стейнбека (1940), «Американская новелла XIX века» (1946), «Сорок девятый штат» Д. Олдриджа (1947) и др. См.: Бродаты Л.Г. Карикатуры и иллюстрации. М.: «Правда», 1959; Бродаты Л.Г. Карикатуры. М.: «Крокодил», 1965. См. о Бродаты: Иоффе М.Л. Лев Григорьевич Бродаты. М.: «Советский художник», 1959; Иоффе М.Л. Десять очерков о художниках-сатириках, с.84–121, Ефимов Б.Е. Мне хочется рассказать. М.: «Советский художник», 1970, с.41–46; и т. д.

В.Д.: Я только по подписи знаю.

В.А.: Во-первых, начнем с того, что он оказался создателем школы советской графики. Сейчас очень многие художники откровенно ему подражают. Я назову таких талантливых художников, как Евгений Шукаев (с моей точки зрения самый талантливый из наших журнальных графиков), Виталий Горяев, Леонид Соифертис*, недавно скончавшийся художник Васин — не помню инициалов**. Манера работы у Бродаты была удивительная. Эта мнимая небрежность эскизных линий на листе бумаги [производит] впечатление на зрителя очень большое.

Бродаты, например, делал следующее: он всегда рисовал свои рисунки для журнала на плохой бумаге, на так называемом срыве, то есть на обрывках газетной бумаги. Почему? Потому что журнал в то время выходил на плохой бумаге, а все другие художники давали хороший ватман, и то, что выходило на ватмане, впоследствии не могло быть воспроизведено в номере, а то, что «срыв» этот был такой же, как сама бумага журнала, давало необыкновенный эффект при печатании.

Он был очень интересный человек, который любил парадоксы, отличался странным, своеобразным ходом мышления и большим опытом. Однажды к Бродаты приехал на дачу в Мамонтовку молодой художник и сказал: «Посоветуйте, как мне быть, Лев Григорьевич. Я должен нарисовать в иллюстрациях тайгу. В Сибири я не был, ехать, конечно, не могу, что же нарисовать, чтобы было видно, что это тайга?» Бродаты всегда говорил одинаково. Он говорил: «Это очень просто. Пойдемте на тэррасу».

” Он вывел из дачи на террасу художника и сказал: «Вот видите сосны на участке? Между ними голубое небо, оно светлее, чем сосны. В тайге наоборот: промежутки между деревьями темнее, чем деревья, вот и все!»* Удивительно!

* Этот эпизод пересказывается в одной из книг о Бродаты: «Как-то на даче к нему обратился знакомый художник с вопросом, как рисовать тайгу. “Очень просто, — отвечал Лев Григорьевич. — Видите этот лес? Рисуйте наоборот: где светлое, там делайте темное”. И в самом деле, в родном подмосковном лесу деревья кажутся темными на светлом фоне неба, а в густой тайге на темном фоне стволы будут светлыми» (Иоффе М.Л. Лев Григорьевич Бродаты, с.41).

В.Д.: Хорошо! А это он сам рассказывал? Откуда вы помните? Или это другие?

В.А.: Нет, это мне художники другие рассказали. Сам он не хвастался. Но вот что интересное мне рассказали. Бродаты по происхождению из австрийской Галиции. Сейчас она...

В.Д.: В Закарпатье.

В.А.: Да — часть.

В.Д.: Часть — в Закарпатье, часть — в Чехословакии.

В.А.: Да, часть у нас, часть у чехов и у поляков. Он родился там и учился в Венской художественной школе. Бродаты родился в 1889 году, и в этой школе он учился вместе с Гитлером, который тоже был студентом этой школы. Но сам Бродаты это при жизни скрывал — оно и естественно. А эпизод очень интересный.

В.Д.: Интересно.

В.А.: Да, они ровесники с Гитлером. Так. Вот надо мной картина Бродаты — акварель... Акварель, изображающая аккурат вот ту Клязьму, на которой стоит дача, где они жили.

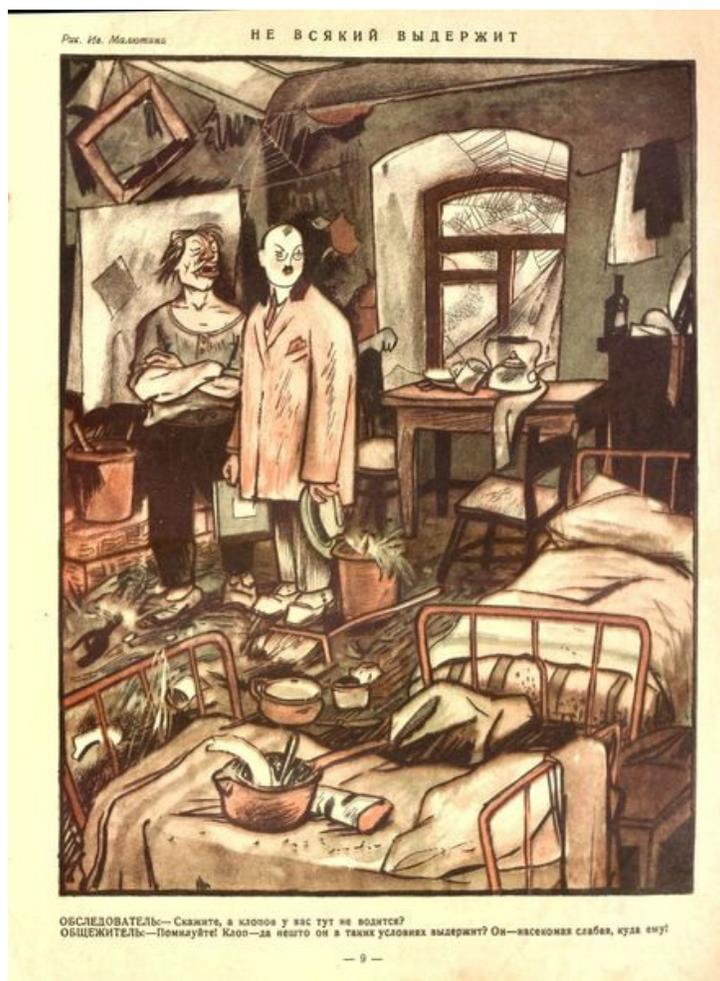
Интересные люди были в «Крокодиле»... Вот еще художник Малютин Иван Андреевич*. Это был крестьянский парень, необыкновенно одаренный художник, график, живописец и декоратор. Попавши в Москву, он был одним из декораторов в Опере Зимина. (*Дувакин порывается что-то сказать.*) Вы не путайте его с...

* См. о нем: Абрамский И.П. Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил», с.56–64. Ардов также писал о Малютине в своих воспоминаниях.

В.Д.: Есть Сергей Васильевич*... был еще Иван Малютин, который в РОСТе...

* Малютин Сергей Васильевич (1859–1937), русский художник, самобытный мастер русского модерна. Родился в Москве 22 сентября (4 октября) 1859 в семье фабриканта. Занимался в Училище живописи, ваяния и зодчества (1883–1886), где среди его наставников были И.М. Прянишников и В.Е. Маковский. Жил преимущественно в Москве. Был членом «Товарищества передвижников» (с 1913), а также «Союза русских художников». Для его живописи конца XIX – начала XX вв. характерно «передвижническое», порой социально-критическое бытописание («Подруги», 1893, «По этапу», 1890; обе в Третьяковской галерее). Черты модерна резко проступили в его экспрессивных портретах (Автопортрет, 1901; «М.В. Нестеров», 1913; «К.Ф. Юон», 1914; оба последних — пастель; все — в Третьяковской галерее). Еще более ярким новатором он выступил в своих декоративно-прикладных работах. Иллюстрировал «Сказку о царе Салтане» и «Руслана и Людмилу» А.С. Пушкина (1898), оформлял постановки Московской частной русской оперы С.И. Мамонтова («Илья Муромец» В.С. Серовой, 1899; «Кашей Бессмертный» Н.А. Римского-Корсакова, 1902), в 1901–1903 работал в имении княгини М.К. Тенишевой «Талашкино» под Смоленском, разрабатывая дизайн мебели и утвари для организованных ею мастерских художественной резьбы. По его эскизам были выстроены и украшены «Теремок», театр и Спасская церковь-усыпальница в Талашкино (1901–1903), музей «Русская старина» в Смоленске (1904–1905), дом Перцова в Москве (1910, совместно с архитектором Н.К. Жуковым). «Русский стиль», объединяющий все эти работы — декоративно-прикладные и архитектурные, — красочно-ярок, пластичен, тесно связан с орнаментикой крестьянского фольклора. После октябрьского переворота Малютин, крайне критически относившийся к «левому» авангарду, примкнул к молодым художникам-традиционалистам, став одним из организаторов АХРР (1922). В поздние годы демонстрировал незаурядное живописное мастерство (портрет Д.А. Фурманова, 1922; «Обед артели», 1934; обе — в Третьяковской галерее), но его замечательный талант оформителя оставался невостребованным. Долгие годы (1903–1923) работал как педагог — в училище, которое окончил сам, а также во Вхутемасе (Высшие художественно-технические мастерские).

В.А.: Так это вот он и есть. Сергей Малютин к нему не имеет касательства. А Иван Андреевич Малютин начинал как декоратор и карикатурист. Потом он ушел из театральных художников. Я помню, в 19-м году я все хотел быть актером и поступил в открывшийся тогда Вольный театр, где шла пьеса Лопе де Вега — «Овечий источник». А Иван Андреевич был художником, и он сделал такой костюм, что я, будучи в толпе (конечно, в массовке там, в спектакле), должен был не только гримировать лицо, но еще и половину груди замазывать под загар, чего я ему никогда не прощу и попрекал его впоследствии в «Крокодиле». Человек это был необыкновенно одаренный. Он один из первых вместе с Черемныхом и Маяковским работал в Росте, многое рассказывал и про Маяковского...

В.Д.: Про Маяковского рассказывал?

В.А.: Да! И про Шалыпина, которого он видел в театре у Зимина... Но с ним произошла беда: после гнойного плеврита ему вырезали ребра, и он был обречен умереть от первой простуды. Он и скончался сравнительно рано.

В.Д.: В 36-м.

В.А.: В 34-м году. Был человек очень одаренный. Интересно, у него две манеры было: до бронхита и операции он был, я бы сказал, такой уверенный реалист. Он не был натуралистом, были в нем какие-то такие гротесковые черты, в его рисунках. А после того, как он оказался больным, он стал рисовать в манере экспрессионизма, похоже даже на немцев — на Гросса, на — как второго-то фамилия? Замечательный художник, который написал «Лицо господствующего класса»*. Забыл. Очень талантливый художник.

* Грос (Grosz) Георг (наст имя и фамилия Георг Эренфрид, Ehrenfried, 1893–1959) немецкий график живописец-экспрессионист. В 1930-е гг. эмигрировал из Германии в США, приняв в 1938 г. американское гражданство. Другими членами экспрессионистской группы художников Германии были Э. Барлах, О. Дикс и др. Но антибуржуазный гротескный цикл «Лицо господствующего класса» был написан в 1921 г. именно Гросом. См.: Лицо капитала. 55 рисунков Г. Гросса; М.: Межрабпом, 1924; Грос Ж. Искусство в опасности. Три статьи. Ред. и предисл. В. Перцова. М.–Л.: Госиздат, 1926; Грос Г. Альбом рисунков. М.–Л.: Огиз, 1931; Грос Г. Мысли и творчество. / Перевод с немецкого и английского, составление, вступительная статья и комментарии Л. Рейнгардт. М., 1975.

В.Д.: Немецкий?

В.А.: Да. Ну, неважно. Вот тут есть шарж на меня, который сделал Иван Андреевич в этой второй своей манере — в 29-м году. Вот, кстати, висит подлинник к экслибрису, который для меня Иван Андреевич Малютин по собственной инициативе нарисовал. Зажгите, пожалуйста, свет. Я его тиражировал и наклеиваю на мои книги. Видите, как?

В.Д.: Вы говорите, Иван Андреевич тоже для театра работал, да?

В.А.: Я могу вам показать в той комнате его декорации к пьесе Островского, по-моему, «Сон на Волге».

В.Д.: Но ведь Сергей Васильевич, в основном, был театральный художник — Сергей Васильевич Малютин. С кем же из них работал Комарденков? С Сергеем Васильевичем или с Иваном Андреевичем?

В.А.: Конечно, с Сергеем Васильевичем*. Потому что Иван Андреевич...

* В.Д. Дувакин запомнил: в 1969 г. он записывал воспоминания В.П. Комарденкова, который рассказывал о своей работе не с Сергеем Васильевичем, а с Иваном Андреевичем Малютиным. Записи хранятся в ОУИ НБ МГУ (ед. хр. № 90). См. об этом также: Комарденков В. Дни минувшие. (Из воспоминаний художника). М: «Советский художник», 1972., с.29–30, 49, 51–52.

В.Д.: Иван Андреевич моложе?

В.А.: Иван Андреевич? Нет, он постарше меня лет на шесть был, на восемь... Думаю, что Комарденков работал с Сергеем. С Комарденковым я тоже был знаком, он не был у нас в «Крокодиле». Он умер только в прошлом году. Вы читали его мемуары?

В.Д.: Мы записывали его, и его книжку я читал.

В.А.: Интересный человек был еще, конечно, Черемных Михаил Михайлович*.

* См. о нем: Абрамский И.П. Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил», с.46–55, Ефимов Б.Е. Мне хочется рассказать, с.28–34; и т.д.

В.Д.: Вот о нем подробнее, что помните... Я его знал хорошо.

В.А.: Манера у него была интересная тоже, своеобразная. Описывать не надо — его рисунки известны. Техника была высокая. Но рисовал он, однако, не так легко, как казалось бы. Он преподавал и живопись,

и карикатуру, и рисунок. Кстати, его плакат, направленный против кулака, вызвал известный отклик со стороны Сталина, который сказал, что, если бы кулаки все были такие явные злодеи и звери, как их изобразил художник Черемных, нам было бы легче с ними бороться, но ведь они маскируются; и плакат, который ориентирует на то, что кулака можно просто за версту узнать по его звероподобной хारे и страшным зубам, выпученным глазам и так далее — только мешает истинному распознаванию кулацкой сущности.

Рисунок М. Черемных, «Крокодил» N10, апрель 1936 г.

В.Д.: Простите, это мне очень интересно, потому что я специально РОСТой занимался. Я помню и приводил эту цитату Сталина, где он говорит «у нас обычно рисуют кулака...» и так далее, но без упоминания Черемных...

В.А.: Это неважно, все знали, что это относится к плакату Черемных.

В.Д.: А вот то, что вы сейчас наизусть цитировали — это в тексте изданном Сталина есть, не знаете?

В.А.: Нет, это я не знаю, я только знаю, что когда был юбилей Черемных, то осторожные ораторы обязательно цитировали это высказывание Сталина и, значит, потом говорили, что вот Черемных преодолел этот недостаток, на который указал вождь. *(Пауза.)* Он умер лет 70. Одну из моих книжек маленьких крокодилских он иллюстрировал. Хорошо иллюстрировал. Я был доволен.

В.Д.: Он был очень сдержанный, немногоречивый.

В.А.: Да-да. Он был настоящий русский мастер с такими, знаете, тяжелыми, крестьянскими, я бы даже сказал, руками, который умел все нарисовать в своей манере, не выходя за пределы вот этого карикатурного гротеска. Но всегда можно было постигнуть, какие оригиналы в жизни за этим рисунком стоят. Мы с ним дружили. У него был юмор. Он вдруг внезапно начинал смеяться...

В.Д.: Он громко не смеялся...

В.А.: Нет, громко не смеялся.

В.Д.: Он улыбался.

В.А.: Нет, он и смеялся иногда, но как-то не сразу. Вообще, реакция у него была небыстрая, но человек был очень одаренный и... настоящий мастер, вот именно мастер.

В.Д.: Человек, хороший.

В.А.: Хороший человек. Жил он в Глинищевском переулке, ныне улица Немировича-Данченко.

В.Д.: Где и сейчас живет его жена.

В.А.: Вдова живет там, Нина Александровна* ...

* В ОУИ НБ МГУ хранится запись воспоминаний Н.А. Черемных, сделанная в 1970 г. учеником В.Д. Дувакина В.В. Радзишевским.

В.А.: Переехала.

В.Д.: Переехала уже?

В.А.: ...рядом с тем домом, на котором мемориальная доска о встрече Пушкина с Мицкевичем. Старинный дом московский. Это был очень гостеприимный дом. Их навещали часто многие.

В.Д.: А вы его первую жену не знали? Виноградову.

В.А.: Нет, первую не знал.

В.Д.: Это сестра Николая Дмитриевича Виноградова.

В.А.: А кто — Николай Дмитриевич?

В.Д.: Впоследствии был консультант и даже директор Музея русской архитектуры на Воздвиженке, а в РОСТинские времена он в РОСТе тоже работал, но как трафаретчик. Ученейший человек*. Сейчас он еще жив. Но вот вы, кажется, всех перебрали.

* В.Д. Дувакин неоднократно встречался с Н.Д. Виноградовым (1885–1980), в 1969, 1971, 1974 и 1975 гг., и записывал его воспоминания, которые тоже хранятся в ОУИ НБ МГУ.

В.А.: Вы знаете, вот еще могу сказать: дружил Черемных очень со скульптором Исааком Менделевичем, который является автором памятника Чкалову в городе Горьком. Своеобразная личность этот Менделевич. Он автор изречения: «Я с этой работой все пьянство запустил». (*Смеются.*) Про Менделевича еще можно рассказать такой эпизод. Он дружил с артистами Малого театра. Они играли в маленьком театрике «Палас» на углу Большой Бронной и площади Пушкина. (Этот дом снесен, сейчас там какой-то магазин женского платья.) Так вот, однажды он пришел за кулисы и ждал, чтобы они кончили играть, [чтобы] потом идти куда-то веселиться. А актеры ему говорят: «Слушай, нам так надоело каждый день играть! Повесели нас: вот тут выход лакея во французской пьесе, мы тебя загримируем — выйди и скажешь одну фразу: „Барин, вас спрашивают“. И уйдешь, тебе скажут: „Проси“. — „Ой, дак я же никогда не играл!“ — „Ну, мы тебя просим!“». Ну, уговорили, намазали ему лицо гримом, надели фартук, дали в руки метелку из перьев, как полагается французскому лакею. Значит, он вышел и сказал: «Барин, вас там спрашивают». А актер, игравший этого барина, сказал ему: «А как он выглядит, этот человек?» Менделевич потоптался на месте и сказал: «Знаешь, Мишка, это уже хамство с твоей стороны!» Так что уже и публика смеялась, и артисты смеялись, и пришлось дать занавес.

(Перерыв в записи)

О дружбе с Ахматовой

В.Д.: Ну, спасибо, о «Крокодиле» вообще получилось очень широко и полно. Я не знаю, кажется, всех, перечислили, кто был. Но меня интересуют также ваши знакомства и вне «Крокодила», и прежде всего ваши длительные отношения с Анной Андреевной Ахматовой, ведь она у вас даже останавливалась? Расскажите о ней все что возможно, так сказать, личное, что вы помните, видели, знаете и так далее — все-таки это очень большой поэт.

В.А.: А дружба моей семьи с Анной Андреевной Ахматовой возникла в 1933-м году. Интересно, что этот факт подтверждает Надежда Яковлевна Мандельштам в первом томе своей злой книги*. Там написано, что когда приехала к ним из Ленинграда Ахматова, то в маленькой, чуть ли не однокомнатной квартире Мандельштама (а он жил в том же подъезде дома по улице Фурманова — прежде Нащокинский переулок)

...

* В 1933 г. Мандельштамы были соседями Ардовых по дому №5 в Нащокинском переулке. См. об этом, в частности, в «Мемуарах» Э.Г. Герштейн: «Внизу, на первом этаже... жил писатель-сатирик В.Е. Ардов с молодой женой, актрисой Художественного театра <...>. Ардов познакомился с Мандельштамами, и между обоими домами установились добрососедские, но не слишком близкие отношения. Иногда, ведя к себе домой кого-нибудь из встретившихся на улице знакомых, Осип Эмильевич звонил в квартиру Ардовых. Если дверь открывала Нина Антоновна, он представлял ее своему спутнику такими словами: “Здесь живет хорошенькая девушка”» (Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб: «Инапресс», 1998, с.46). Свое вселение в Нащокинский переулок Н.Я. Мандельштам описывает во «Второй книге воспоминаний» (Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М.: «Московский рабочий», 1990, с.339–341).

В.Д.: Какой дом номер, не помните?

В.А.: 3/5.

В.Д.: Дом 3/5. Она не говорит. Так, спасибо.

В.А.: Так вот, Анна Андреевна ночевала у них, а сын Анны Андреевны — Лев Николаевич Гумилев, тогда еще молодой человек, которого мы звали просто Лева, — он оказался в положении, что ему негде ночевать*. И поэтому она, пользуясь тем, что мы были в приятельских отношениях, попросила нас — меня и мою жену — приютить на ночь Гумилева. Мы, конечно, с радостью это сделали. А потом Гумилев сказал своей маме, что мы симпатичные люди, и Анна Андреевна к нам стала относиться лучше, и вот этот случай перерос в большую дружбу Ахматовой со всей моей семьей. Я должен сказать, что она всегда была ближе к моей жене — к Нине Антоновне Ольшевской**, нежели ко мне. Моя жена по возрасту годилась ей в дочери и заботилась об Анне Андреевне, потому что Анна Андреевна была, как оно и положено поэтам, не от мира сего. И Нина ей помогала во многих бытовых делах, вроде того что — заказать платье или обувь или помочь ей... что-то там, куда-то поехать и прочее.

* «Мемуары» Э. Герштейн позволяют приблизительно датировать этот эпизод апрелем 1934 г.: «В марте Лева уехал в Ленинград, но через месяц вернулся в Москву. Однако Мандельштамы его к себе не пустили. Он, как и было при Анне Андреевне, ночевал у Ардовых» (Герштейн Э.Г. Мемуары, с.53).

★★ Нина Антоновна Ольшевская (1908–1991), актриса, режиссер, близкий друг Ахматовой. Знакомство Ольшевской с Ахматовой состоялось в 1934 г. «Когда она (А. Ахматова. — О.Ф.) гостила у Мандельштамов и я видела, как она поднимается по лестнице, я обалдевала. <...>. И однажды мы с Виктором поднялись наверх и представились Анне Андреевне... Это такой случай в моей жизни! Даже трудно себе представить... Как мне повезло!» (Из бесед Э. Герштейн с Н. Ольшевской // Герштейн Э.Г. Мемуары, с.475). Это знакомство переросло в близкую дружбу в 1946 г., когда весной Ахматова приезжала в Москву с публичными выступлениями. Осенью того же года, после августовских событий, Ахматова вернулась в Москву вновь. Ее привезла из Ленинграда специально приехавшая за ней Н. Ольшевская. «...Когда мы шли по Климентовскому переулку, встречали писателей, они переходили на другую сторону. Сурков мне говорил: "Как я вам благодарен, что вы ее привезли к себе"» (там же). В декабре 1964 г. Ольшевская должна была сопровождать Ахматову в Италию (Таормино). Но тяжелая болезнь сделала для нее эту поездку невозможной. 14 октября 1964 г. Ахматова делает в своих «Записных книжках» следующую помету: «Луна с правой стороны, но ущербная и страшная. (Болезнь Нины сделала меня калекой.)» (с.492), а днем раньше пишет Ольшевской в больницу: «Нина, наверное, мне не надо говорить Вам, что я все время с Вами <...>. Когда после второго инфаркта я лежала у Вас в маленькой комнате, моей единственной радостью был Ваш сухонький утренний курительный кашель...» (Письмо от 13 октября 1964 г. к Н.А. Ольшевской-Ардовой // Цит. по кн.: Анна Ахматова. Сочинения в2-х томах. Т.2. М.: «Цитадель», 1999, с.223). В письме от 5 января 1965 г.: «Я очень скоро приеду в Москву <...>. Нина, я люблю Вас и мне без Вас плохо жить на свете...» (с.225). Н.А. Ольшевской посвящена пятая из «Северных элегий» — «Меня как реку...». Ей же Ахматова намеревалась посвятить главу из мемуарной книги, которую она называла «Пестрые заметки» и которую так и не написала. «О книге, которую я никогда не напишу, но которая все равно уже существует, и люди заслужили ее» (Анна Ахматова. Автобиографическая проза // Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Пер. М. Тименчика. М.: «Радуга», 1991, с.250). «Люди в моей книге "Пестрые заметки" <...>. Каждому из них будет посвящена отдельная глава. Первые три готовы или полуготовы» <...> Концовка Н. Ольшевской. Когда (вчера) я рассказала ей мою концепцию, она продолжала мыть ванну своими смуглыми тонкими и сильными руками и совершенно равнодушно сказала: "Ну, хорошо; пусть так. И все"» (Анна Ахматова. Записные книжки, с.150). О Н.А. Ольшевской см.: Герштейн Э.Г. Мемуары... (глава «Постаревшие собеседницы»); Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1, Т.2, Т.3. М.: «Согласие», 1997; Ардов М., Ардов Б., Баталов А. Легендарная Ордынка. СПб.: Инапресс; «Летний сад»; журнал «Нева», 1997.

В.Д.: Но, простите, а приятельские отношения, о которых вы упомянули как об уже существовавших, возникли задолго до этого? Кто вас познакомил?

В.А.: Нас познакомил Мандельштам.

В.Д.: А Мандельштама вы знали откуда?

В.А.: Мы же соседи были! В одном подъезде...

В.Д.: Ах, соседи были!

В.А.: С Мандельштамом мы были знакомы не очень близко, но иногда он к нам приходил. И Надежда Яковлевна к нам приходила. Он иногда читал мне свои стихи, причем без просьбы с моей стороны. Иногда он приносил какие-то странные шутки, которые были для него характерны. Ведь он автор таких эпиграмм, типа — юмор нелепостей. И вот он приходил и читал мне свою шутку. Помню, раз он пришел ко мне и стал мне читать свой перевод сонета Петрарки*. Сперва он его прочитал по-итальянски, а затем свой перевод и указал мне на то, что он старался не только по ритму и, так сказать, по складу стихов, но и фонетически возможно ближе перевести к подлиннику. Это было действительно очень интересно.

* В период с декабря 1933 по январь 1934 гг. Мандельштам перевел четыре сонета Франческо Петрарки (1304–1374), вероятно, один из переводов слышал Ардов.

Но с Мандельштамом мы особенно близки никогда не были, а вот тут, значит, произошло вот это и возникла наша дружба, к которой Лев Николаевич имел уже, так сказать, боковое касательство. Но и он тоже у нас бывал до самого его ареста в 37-м году*. Кстати, в 34-м, по-моему, году его и мужа Анны Андреевны — Николая Николаевича Пунина, замечательного искусствоведа, арестовали. Она приехала в Москву и обратилась с письмом к Сталину. И Сталин велел их освободить. А в 37-м году, как мы знаем, никакие доводы не действовали. Николай Николаевич погиб... был арестован позднее**...

* Ошибка Ардова. Л.Н. Гумилев был арестован 10 марта 1938 г.

** Н.Н. Пунин был арестован 26 августа 1949 г. Александр Михайлович Герасимов (1881–1963) — художник, в 1947–1957 гг. — президент Академии художеств.

В.Д.: Еще раз?

В.А.: ...в 48-м, по-моему, в 49-м году по доносу Александра Герасимова и Владимира Серова*, ленинградского художника, — и погиб в лагерях. А Лева в 37-м году был арестован и в 42-м или в 43-м попросился на фронт**. Его отпустили из тюрьмы на фронт. Он там был ранен, потом вернулся... Интересно, что он написал кандидатскую диссертацию свою...

* Владимир Александрович Серов (1910–1968) — художник, в 1958–1964 гг. президент Академии художеств СССР.

** Л. Гумилев ушел на фронт в 1944 г. из ссылки в Туруханском крае. См. об этом в «Записных книжках» Ахматовой: «Добровольцем на фронт. Взятие Берлина. Возвращение осенью 1945 года» (М. – Torino, с.666) и дневник Н.Н. Пунина от 23 февраля 1945 г.: «Осмеркин сказал мимоходом <...>, что Лева в штрафном батальоне. Она села в кресло и стала горько жаловаться на свою судьбу <...>: “они не успокоятся, пока не убьют его и меня. Штрафной батальон — это расстрел, второй раз он приговорен к расстрелу...” (Цит. по: Ахматова Анна. Requiem. Washington, 1968, с.194).

В.Д.: Он историк, да?

В.А.: Он историк монгольских племен. Диссертацию кандидатскую он написал в тюрьме. Потом, в 49-м, кажется, его взяли опять и отпустили уже после смерти Сталина. Ну, теперь перехожу к Анне Андреевне.

Вы знаете, мы ее очень полюбили: и моя жена, и я, и наши дети, к которым она относилась тоже чудесно*. И скоро уже появилось такое положение, что, когда Анна Андреевна приезжала в Москву, она ехала с вокзала прямо к нам и жила вот в этой маленькой комнате, которая у вас за спиной, месяцами. А мы радовались этому факту, помогали ей существовать, потому что в то время у нее было материально плохое положение. Она сама говорила, что после решения ЦК в 25-м году по поводу журнала «Русский современник», когда было запрещено печатать Ахматову в советской прессе и в издательствах, она просидела и пролежала на кушетке до 41-го года. Тут вышла ее первая книжечка**.

* Имеются в виду А.В. Баталов, Михаил Викторович Ардов (род. 1937), протоиерей, Б.В. Ардов (1940–2004) — преподаватель ВГИКа, кандидат искусствоведения. См., в частности, отзыв Ахматовой о М. Ардове в записи Л.К. Чуковской: «Анна Андреевна недавно сказала мне: “Миша у нас добрый, как девочка”» (Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2, с.151).

** Имеется в виду сборник Ахматовой «Из шести книг», выпущенный ленинградским отделением издательства «Советский писатель» в мае 1940 г. Первое за 17 лет издание стихов Ахматовой было мгновенно распродано. В сентябре 1940 г. на сборник в ЦК ВКП поступил донос и 29 октября 1940 г. было принято закрытое постановление Секретариата ЦК, где стихи Ахматовой были названы «идеологически вредными, религиозно-мистическими», чиновникам, разрешившим выход книги, был объявлен выговор, а остатки тиража изъяты (см.: «Литературный фронт: Сборник документов». М., 1994, с.50–53, 57–59). Там же см. о выдвигании книги на Ленинскую премию А.Толстым, поддержанном секцией литературы Комитета по Сталинским премиям. См. о сборнике в «Записных книжках» Ахматовой: «Через 6 недель была изъята из продажи и из [библиотек], запрещена в букинистической! продаже (по распоряжен[ию] Сталина), пресса была исключительно ругательная <...> Теперь она продается от 100 до 150 рб.» (с.29); «На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство: Шолохов выставил ее на Стал[инскую] премию (1940). Его поддержали А.Н. Толстой и Немирович-Данченко. Премия должен был получить Н. Асеев за поэму “Маяковский начинается”. Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях: “Из шести книг” была запрещена и выброшена из книжных лавок и библиотек» (Анна Ахматова. Автобиографическая проза // Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие, с.241).

В. Ардов и В. Дувакин во время третьей беседы. 8 августа 1974 г. Фото М. Радзишевской

В.Д.: Простите... вы говорите не об известном решении...

В.А.: Нет, в 46-м году — это было второе решение.

В.Д.: Нет, я не об этом говорю. Вы упомянули 25-й год, поэтому я думал, что речь идет об известном решении ЦК РКП «О политике партии в области художественной литературы». Но там «Русский современник», по-моему, непосредственно не упомянут.

В.А.: Нет, там было специальное решение по поводу журнала «Русский современник»*. Значит: Ахматову — не печатать, главного редактора «Русского современника» Исайя Лежнев выслать из пределов Советского Союза, а журнал закрыть.

* Имеется в виду публикация в первом номере «Русского современника» за 1924 г. стихотворений Ахматовой («Новогодняя баллада» и «Лотова жена»), факт появления их в журнале Ахматова считала одной из причин негласного запрета (1925) на дальнейшую публикацию ее стихов. Решение партийных органов о закрытии «Русского современника» в печати опубликовано не было.

В.Д.: Мне кажется, что вы немножко ошибаетесь; потому что журнал-то закрыли, но Исайя Лежнев (впоследствии, после возвращения — заведующий отделом «Правды»... в «Известиях» работал, его потом в партию приняли) — он был редактором не «Русского современника», а «России» — журнал был такой*.

* И. Лежнев (наст. имя и фамилия Исая Григорьевич Альтшулер, 1891–1955) – советский критик и публицист. В годы революции и гражданской войны заведовал отделом информации газеты «Известия ЦИК». В 1922–1926 гг. редактировал журналы сменовеховского направления «Россия» и «Новая Россия». После закрытия журнала был выслан за границу, где находился до 1930 г. В 1935–1939 гг. после публичного покаяния заведовал отделом литературы и искусства газеты «Правда». По словам Е.С. Громова, в «карьере этого литератора немало странного, наводящего на мысль, что он был связан с секретными службами и лично со Сталиным» (Громов Е.С. Сталин: Власть и искусство. М.: «Республика», 1998, с.69).

В.А.: Может быть, но во всяком случае...

В.Д.: Журнал был «Россия», и я не уверен, что там было специальное решение ЦК...

В.А.: Но она всегда говорила, что есть решение 25-го года.

В.Д.: Ах, она? Вероятно, она это говорила с каким-то основанием, может быть, оно не было опубликовано как таковое. А журнал «Русский современник» выходил в 24-м году и в 25-м уже не выходил. А журнал «Россия»...

В.А.: А может быть, «Россия», пожалуйста, я не возражаю.

В.Д.: А журнал «Россия» как раз выходил весь 25-й год, и в 1926-м году появился уже вместо него под тем же редакторством журнал «Новая Россия» — уже, кажется, три или пять листов — тетрадка такая — публицистический журнал. Вышел первый, второй и третий номер, там была передовая, посвященная XIV съезду РКП, когда она была переименована в ВКП, и там была вот этого Исая Лежнева передовая, в которой он писал одобрительно о XIV съезде и его, так сказать, направленности против зиновьевской позиции, но, вместе с тем, это давление шло в таком плане, что мы гребем с вами в одну сторону (свободная торговля, там, некоторая, аренды и все прочее — в смысле нэпа поддержки), а куда мы при этом приплывем — наши мнения расходятся. Вот после этой передовой журнал сейчас же закрыли, и Лежнева выставили. А потом он написал такую книгу об эмиграции, которая очень понравилась Сталину, и ему вручили (он приехал сюда) партбилет по рекомендации Сталина. Он заведовал литературным отделом «Правды».

В.А.: Я должен вам сказать, что Анна Андреевна, так сказать, открывалась нам (я имею в виду нашу семью) постепенно. И с 37-го года, вот как я переехал... нет, с 38-го года я переехал в эту квартиру, и до 66-го года, когда она скончалась, она бывала у нас очень много, и мы были уже, так сказать, совсем хорошо знакомы, постигли ее с разных сторон, и я должен сказать, что это был человек действительно необыкновенного значения.

Я не стану вам рассказывать, какая она была поэтесса, потому что это всем известно, и тут прав Корней Иванович Чуковский*, когда он говорит, что ей свойственна поэзия даже в историческом аспекте. И многие критики говорят о том, что, если бы не было великой русской прозы прошлого века, не было бы Ахматовой. Она, действительно, опирается в своих стихах и на Достоевского, и на Толстого, которого она не очень любила**. Но она понимает, действительно понимает исторические стороны явлений, мимо которых другие современники проходили или откликались на них суесловием.

* Корней Иванович Чуковский — автор статьи «Ахматова и Маяковский. Две России». Впервые — «Дом искусств» (Пг., 1921, №1), о которой Ахматова отзывалась следующим образом: «Корней сделал меня ответственной за всю русскую литературу» — и которую считала одной из причин последовавшего в 1925 г. постановления о запрете ее публикаций.

** Отзывы Ахматовой о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом, которых вместе Ахматова именвала «ересиархами», а Толстого отдельно «полубогом» и «мусорным стариком», зафиксированы многими мемуаристами. См., в частности, «Записки» Л.К. Чуковской: «Разговор о прозе Пушкина приводит нас к Толстому. Анна Андреевна отзывалась о нем несколько иронически. А потом произносит грозную речь против “Анны Карениной” <...>. В общем не любит она, видно, Толстого» (Т.1, с.25, 143), и воспоминания М.И. Будыко: «Достоевский и Толстой. Между ними гораздо больше общего, чем обычно считают. Исповедь Зосимы — чистый Толстой. <...> Если бы Достоевский не умер, он стал бы на путь Толстого — моральной проповеди» (Рассказы Ахматовой // Об Ахматовой..., с.466). См. также воспоминания Н.И. Ильиной «Дороги и судьбы» (с.349–350), Г.Л. Козловской «Мангалочий дворик...» («Воспоминания об Анне Ахматовой». с.390) и др.

Интересно, что так как она рано вышла замуж за Гумилева, а Гумилев был уже достаточно известным и даже модным поэтом, то ей нелегко было стать самой поэтессой. Она рассказывала, что первый раз она стала читать свои стихи Георгию Ивановичу Чулкову, с которым она оказалась за столиком в ресторане при вокзале* — не знаю, Царскосельском, наверное. Ведь она жила в Царском Селе. И он сразу определил, что это большой поэт, и так началась ее самостоятельная жизнь в литературе.

* Георгий Иванович Чулков (1879–1939) подробно описал эту встречу в книге «Годы странствий» (М., 1930).

В.Д.: А она уже, когда читала эти первые стихи Чулкову, то уже была женой Гумилева?

В.А.: Конечно! В этом весь смысл. Теперь я должен сказать, что ее отец* — морской офицер в прошлом, впоследствии преподаватель в военно-морских учебных заведениях, а потом работник государственного контроля. Он умер в чине статского советника — это между генерал-майором и полковником. Так вот, Андрей (не помню уже отчества) Гóренко — он одно время жил в Царском Селе. Она там тоже жила, там познакомилась с Гумилевым**, отец которого был военным морским врачом. И в это время директором гимназии мужской был Иннокентий Анненский.

* Андрей Антонович Горенко (1848–1915), флотский инженер-механик, в начале 1900-х гг. — статский советник, чиновник особых поручений при Главном управлении торгового пароходства и портов.

** Знакомство Ахматовой с Гумилевым произошло 24 декабря 1903 г. в Царском Селе.

В.Д.: Нет, не Иннокентий, а его брат — Николай Федорович Анненский*.

* Директором Николаевской гимназии в Царском Селе в 1893–1905 гг. был именно Иннокентий Федорович Анненский (1856–1909), а не его брат, общественный деятель и публицист Николай Федорович Анненский (1843–1912).

В.А.: А она говорила — Иннокентий был.

В.Д.: Анненский, Анненский, но не сам Иннокентий, а...

В.А.: А она говорила, что директором гимназии был Иннокентий Анненский! Это я вам могу доложить, а сам я не знаю.

В.Д.: Ну, ну, хорошо.

В.А.: И вот интересно, что она говорила... Значит, маленький город, своеобразный. Например, она рассказывает, что (царь-то жил в Царском Селе, он боялся жить в Петербурге: там убили деда, и покушение на отца, и на него самого)* приезжали поездом министры, в здании вокзала была специальная комната, где они переодевались в придворные мундиры, и ехали на экипаже на прием к царю.

* Имеются в виду российские императоры Николай II (1868–1918), Александр III (1845–1894), покушение на которого в 1886–1887 гг. готовилось организацией «Народная воля», и Александр II, который в 1881 г. был смертельно ранен бомбой, брошенной И.И. Гриневитским на набережной Екатерининского канала в Петербурге.

И вообще у нее было интересное такое... отношение к придворным сплетням и обычаям начала века, которые она наблюдала лично.

В.Д.: Очень интересно.

В.А.: Да, и вот, интересно, она говорила так, что на ее сестре женился кто-то из гимназистов Анненского* — из этой гимназии. Когда старик Анненский узнал, что вышла замуж дочка Горенко, он сказал: «Какая?» Ему сообщили имя (не помню имя сестры). Он сказал: «Ну, я бы женился на другой, на Анне»**. И она это берегла.

* Имеется в виду старшая сестра Ахматовой — Инна Андреевна Горенко (1883–1905), в 1904 г. вышедшая замуж за Сергея Владимировича фон Штейна.

** См. об этом, в частности, в «Записных книжках» Ахматовой: «Анненский об Инне и обо мне» (с.14), а также в ее воспоминаниях — комментарии к мемуарам В. Срезневской: «Когда Инн[окентию] Федор[овичу] Анненскому сказали, что брат его belle-fille Наташи (Штейн) женится на старшей Горенко, он ответил: «Я бы женился на младшей». Этот весьма ограниченный комплимент был одной из лучших драгоценностей Ани» (цит. по кн.: Анна Ахматова. Десятые годы. М.: Изд-во МПИ, 1989, с.34); см. также комментарии М.В. Ардова к «Записным книжкам» Ахматовой: «Анна Андреевна не имела обыкновения передавать чьи-нибудь комплименты, сказанные ей. Но этот рассказ я слышал от нее неоднократно» (Ардов М. Возвращение на Ордынку // «Новый мир», 1998, № 1).

В.Д. (усмехаясь): «Я выбрал бы другую».

В.А.: Да. Теперь так, надо вам сказать, что она, например, говорила про те знаменитые ее книги, которые научили женщин изъяслять свои чувства, — что «это мои юношеские стихи». Вот это интересно: вот эти «Четки», «Anno Domini»*, «Белая стая» — это она рассматривала как юношеские стихи, потому что в зрелом

возрасте она стала писать на другую, более значительную тематику, хотя и эта тематика — женская лирика — очень значительна.

* Пятая книга стихов Ахматовой. Издана в Петербурге в 1922 г. под заглавием «Anno Domini MСMXXI», Второе издание книги вышло в 1923 г. в Берлине под заглавием «Anno Domini», в книгу вошел раздел «Новые стихи». «Что касается III-го сборника „Anno Domini“ — дело обстоит сложнее. Он вышел (11-е издание) в 1923 г. в Берлине („Petropolis“ и „Алконост“) и не был допущен на родину. <...> То, что там были стихи, не напечатанные в СССР, стало одной третьей моей вины, вызвавшей первое постановление обо мне (1925 г.)...» (Анна Ахматова. Записные книжки. С. 378–379).

В.Д.: «Четки» и «Белая стая» сделали ее уже тогда знаменитой!

В.А.: Интересно вот что... Она сама мне это рассказала. Была поэтесса Гриневская*. Эта поэтесса Гриневская писала как люди, как говорится, то есть в манере эпигонов Некрасова и Пушкина...

* Изабелла Аркадьевна Гриневская (1864–1944).

В.Д.: Некрасова и Надсона*.

* Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877), Семен Яковлевич Надсон (1862–1887).

В.А.: Да, да, и Надсона... И когда ей дали первую книгу... или вторую книгу* Ахматовой, она пришла в ярость, бросила книжку Ахматовой на пол, топтала ее ногами и кричала: «Так писать может только прачка!» Это очень интересное свидетельство того, как сопротивлялись старые и бездарные литераторы вот этим новым веяниям: и символизму, и акмеизму и так далее. Теперь. Если хотите, я вам приведу одну эпиграмму Иннокентия Анненского на Константина Фофанова. Были в то время два пошлых популярных журнала: «Нива», которую все знали, и еще — менее известный, но более пошлый журнал — «Ваза»**.

* В «Этюдах к портретам» (с.60) отмечается, что Изабелла Гриневская («сверстницаЩепкиной-Куперник, всё ясно») пришла в ярость, прочитав сборник Ахматовой «Подорожник».

** «Нива» — еженедельный журнал, выходил в Санкт-Петербурге — Петрограде с 1870 по 1918 г. «Ваза» — дамский иллюстрированный литературный, модный и рукодельный журнал, выходил в Санкт-Петербурге с 1856 по 1884 г.

В.Д.: «Вазу» я не знаю.

В.А.: Да, «Ваза» — это был такой, знаете, приспособленный для обывателя... эстетический такой якобы журнальчик. Так вот, Фофанов, который писал много и легко, печатался в обоих этих журналах, и Анненский на это реагировал четверостишьем:

Дивлюсь я, Фофан, диву:

Как мог твой гений сразу

И унавозить «Ниву»,

И переполнить «Вазу»*.

* Константин Михайлович Фофанов (1862–1911) — поэт. Существует мнение, что цитируемая Ардовым эпиграмма не принадлежит Анненскому.

(*Дувакин смеется.*) Я думаю, не надо забывать этой хорошей эпиграммы.

В.Д.: Это хорошо! (*Смеются.*) Интересно, я посмотрю в двухтомнике Анненского — есть это? Нет, наверное.

В.А.: Нет, это непристойно для книги!

И вот Анна Андреевна раскрывалась для нас со всех сторон. Ну, во-первых, она была предельно чутка и по отношению к искусству, и по отношению к людям. Она была почти как медиум... У Пунина есть дочка — Ирина Николаевна Пунина, а у этой дочки в свою очередь дочка, которая называется Анна Генриховна Каминская*. Анне Генриховне сейчас лет 35 — 33. Значит, они, в сущности, до самой смерти — вот эта падчерица и ее дочка — составляли семью Анны Андреевны. Она не считала возможным их бросить. Когда ей предложили в Москве квартиру пополам с Надеждой Яковлевной Мандельштам**, она отказалась, потому что она сказала, что она не может уйти из этой своей семьи, которую она поддерживает и так далее. С Пуниной она ездила в Италию*** получать свою премию (как

она называется? Таорминская? — на юге, там выдают премии), а с Аней она ездила в Англию получать диплом доктора Оксфордского университета.

- * Анна Генриховна Каминская (р. 1939) – искусствовед, дочь И.Н. Пуниной. «Ахматова считала себя обязанной заботиться о дочке Пунина, Ирине. А впоследствии и о внучке Николая Николаевича — Аньке. Которая, как ни странно, в профиль была немножко похожа на Анну Андреевну — но не на молодую, а на старую» (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 253).
- ** В 1953–1954 гг. Сурков пытался добиться «двойной» прописки для Ахматовой и предложил ей московскую жилплощадь совместно с Н.Я. Манделъштам. Ср. с «Записками» Л. Чуковской: «...боится, что Сурков предложит ей квартиру в Москве. Она не хочет... Говорит, что если она переедет сюда — в ее комнату кого-нибудь непременно поселят и, таким образом, Ирина окажется в коммунальной квартире» (Т. 2. С. 75). Н. Манделъштам мотивирует отказ Ахматовой от совместной квартиры иначе: «Ахматова сначала согласилась поселиться со мной, но потом раздумала. Ей казалось, что, когда мы вместе, начальство сходит с ума и засылают к нам всех своих стукачей...» (Н. Манделъштам. Вторая книга. С. 478). Сама Ахматова в разговоре с Чуковской объяснила его следующим образом: «Сурков давно уже предлагал нам обеим двухкомнатную. На двоих двухкомнатная — не худо, правда? Но наша с Надей совместная жизнь в Ташкенте доказала, что жить нам вместе не следует» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 304).
- *** В декабре 1964 г. в Италии (Таормино) Ахматовой была вручена литературная премия. См. об этом очерк И.Н. Пуниной «Анна Ахматова на Сицилии» (Воспоминания об Анне Ахматовой).

В.Д.: За шекспировские свои работы, кажется.

В.А.: Да я не знаю, за что, но она привезла мантию оттуда из серого шелка и эту четырехугольную шапочку. Так вот, когда они сидели дома на легендарной Фонтанке, дом 34, квартира 44 — мне довелось там несколько раз быть, — она, значит, сидит, потом встает и идет открывать дверь. Аня говорит (они ее называли — и Аня, и Ирина — называли Анну Андреевну Акума*); это шуточное название означает в японском языке «ведьма, колдунья», они считали, что она... да она в какой-то мере и была такой) — так вот, Аня говорит: «Акума, почему ты идешь открывать дверь всегда раньше, чем раздастся звонок?»*

- * См. об этом в «Записках» Л. Чуковской: «Я спросила Анну Андреевну, почему в той семье ее называют Акума. — Правильнее было бы Акума, — отвечала она. — По-японски это означает Злой Дух. Так меня называл Володя Шилейко. И Николай Николаевич (Пунин. — О. Ф.) один раз так назвал в телеграмме (в 1927 г. во время поездки в Японию в качестве генерального комиссара выставки. — О. Ф.). За ним стала называть Ирина. И вот теперь Аничка» (Т. 2. С. 101). См. также письмо Пунина к Ахматовой из Токио от 28 июня 1927 г.: «...когда я немного познакомился с японским языком, мне твое имя „Акума“ стало казаться странным. <...> Я спросил одного японца, не значит ли что-нибудь слово „Акума“, — он, весело улыбаясь, сказал: „Это значит злой демон“, дьяволица, если принять женский род и наше понимание. Очевидно, Вольдемар (В.К. Шилейко. — О.Ф.) знал смысл этого слова. Возможно, что где-нибудь на „его“ Востоке именем этим обозначается какой-нибудь бог, или дух, — но, во всяком случае, — зла. <...> Так окрестил тебя В.К. (Шилейко. — О.Ф.) в отместку за твои речи» (И.Н. Пунина. Из архива Николая Николаевича Пунина // Лица. С. 440).
- ** Ардов упоминает типичный случай «домашней» ахматовской мистики. Подобный эпизод приводит в своих «Записках» и Л. Чуковская: «На лестнице тьма и грязь. Ахматовская лестница! Ахматовская до слез! И у меня в самом деле чуть не брызнули слезы из глаз от того, как она открыла мне дверь. Я еще не успела ни позвонить, ни постучать, я еще только остановилась у двери. Где тут звонок? А <...> она распахнула дверь в ту самую секунду, когда я остановилась» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 365). Ср. со следующим свидетельством Ахматовой: «Как я теперь понимаю, его (Модильяни. — О.Ф.) больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли...» (Амедео Модильяни // Анна Ахматова. Сочинения в 2-х томах. С. 144).

А рассказывала мне Анна Андреевна вот что. В 20-х годах, в конце, она шла по улице Герцена, в Ленинграде, и... Она наивно сказала мне: «Вы знаете, как это бывает часто: я иду и думаю — сейчас я встречу Маяковского...»* Ну, у меня-то этого никогда не бывает! (Усмехается.) А важно другое: она выходит на Невский — и, действительно, идет Маяковский. А Маяковский говорит: «У меня сейчас появилось чувство — вот сейчас увижу Ахматову».

- * История, неоднократно рассказывавшаяся Ахматовой. См., в частности, у Л. Чуковской: «Это было в 24-м году. Мы с Николаем Николаевичем шли по Фонтанке. Я подумала: сейчас мы встретим Маяковского. И только мы приблизились к Невскому, из-за угла — Маяковский! <...> „А я только что подумал: „Сейчас встречу Ахматову“» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 58), а также в «Мемуарах» Э. Герштейн (С. 480).

Ее чуткость к стихам была феноменальной. Она была очень доброй и всегда подтверждала, что ей что-то нравится, что ей что-то симпатично, чтоб не обижать людей*, но про стихи она всегда говорила истину. Если ей не нравились стихи, она говорила: «Простите, но этого я не понимаю»**. А вот однажды к ней пришла поэтесса и прочитала большую поэму о своей любви к убитому на войне мужу.

- * В своих воспоминаниях А. Найман приводит наиболее распространенные ответы Ахматовой начинающим поэтам: «...пишущие стихи обращались к ней с тем, чтобы услышать ее оценку. <...> При этом, когда автор приходил за ответом, она старалась не обидеть и говорила что-нибудь необязательное, что, из ее уст, могло быть воспринято как похвала: „В ваших стихах есть чувство природы“, „Мне нравится, когда в стихи вводят прямую речь“, „Белые стихи писать труднее, чем в рифму“, „Это очень Ваше“, „В ваших стихах слова стоят на своих местах“ (А. Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: «Вагриус», 1990. С. 24).
- ** В книге Ардова об этом сказано: «...в оценке стихов беспощадно искренна. Тут никогда не лукавит и, преодолевая свою деликатность, говорит прямо: — Мне не нравится» (Ардов В.Е. «Этюды к портретам», с.61).

Выслушав ее, Анна Андреевна сказала: «Главный недостаток вашей поэмы, что, по существу, вы сейчас любите другого человека, о нем вы пишете в этой поэме — и только прикрываетесь фигурой вашего мужа»*. И та сказала: «Это правда».

* Муж Алигер — композитор Валентин Макаров, убит на войне (Ардов В.Е. «Этюды к портретам», с.61; см. также: Великие и смешные..., с.73). Алигер пришла к Ахматовой «лет 6 тому назад», запись не датирована; видимо, она была сделана в 1954 г.

Но понять этого же, например, я или вы не можете, из стихов, что речь идет о такой подмене.

В.Д.: Это она сама рассказывала?

В.А.: Это она рассказала, да. Причем я не хочу называть фамилию поэтессы, которая читала стихи.

В.Д.: Она жива?

В.А.: Конечно. А могу сказать...

В.Д.: Ольга Берггольц, нет?

В.А.: Нет, Маргарита Алигер*.

* Об отношении Ахматовой к Маргарите Иосифовне Алигер (1915–1992), именуемой в доме Ардовых «Алигерицей», см. подробнее в воспоминаниях М. Ардова «Легендарная Ордынка» (С. 49–50), а также «Возвращение на Ордынку»: «... разговор все время такой. Анна Андреевна говорит: „Я вчера написала стихи“. Маргарита Осиповна сейчас же произносит: „И я вчера написала стихи“. Анна Андреевна продолжает: „Мне позвонили из журнала“. Алигер опять вторит ей: „И мне позвонили из журнала“ (С. 16). О воспоминаниях М. Алигер об Ахматовой (М. Алигер. Тропинка во ржи // «Москва», 1974, № 12) см., в частности, отзыв М.С. Петровой в записи М. Ардова: «Мы обсуждали только что вышедшие из печати воспоминания об Ахматовой, которые написала М.И. Алигер. Там есть некая пространная казенно-патриотическая речь, которую будто бы произнесла Анна Андреевна в присутствии мемуаристки. — Миша, — сказала мне Мария Сергеевна, — мы с вами оба знали Ахматову. Она не имела обыкновения изъясняться монологами» (Ардов М. Возвращение на Ордынку: Воспоминания. Публицистика. М.: «Художественная литература», 1998, с.41).

В.Д.: Ах, уже! Такое позднее...

В.А.: Но бывали и смешные эпизоды. Юмор она ощущала поразительно. Она была очень смешлива, как все истинно чувствующие юмор люди. Многие шутки она перенимала и потом повторяла в соответствующих случаях. Вот я вам расскажу тоже забавный эпизод. К ней пришла Сильва Капутикян* — армянская поэтесса — и долго что-то гортанным своим армянским говором ей долдонила, так что Анна Андреевна устала (а ей уже было много лет) и она задремала, а та все равно продолжала говорить. Наконец Анна Андреевна очнулась и слышит, что Сильва говорит: «...она к вам относится молитвенно». Анна Андреевна спросила: «Кто — она?» — «Сафронов». (*Смеются*)

* Сильва (Сирвард) Барунаковна Капутикян (1919–2006) — армянская поэтесса. О Анатолии Владимировиче Софронове (1911–1990), писателе, драматурге, Ардов воспроизводит историю, которую Ахматова часто рассказывала своим друзьям. В дневниковых записях Л. Чуковской «виновником» этого смешного эпизода указывается М. Маркарян. «Маро (Маркарян) сидит у меня (имеется в виду Ахматова — О.Ф.) — он что-то говорит, а я думаю свое, даже стихи сочиняются. Вдруг я расслышала: — Она относится к вам молитвенно. Спрашиваю: — Кто она? — Са-фа-ронов» (Записки об Анне Ахматовой. Т.2, с.424).

В.Д.: Это здорово!

В.А.: Ну, нет, юмор у нее был совершенно бешеный. (*Пауза*) Потом была в ней высокая порядочность. Она, например, часто говорила: «Это против добрых нравов литературы». И тогда, значит, она этого не терпела.

Теперь я вам скажу так: в 1934-м или 33-м году началась безумная кампания в газетах по поводу Бориса Пильняка и Евгения Замятина* за то, что они передали за границу какие-то свои произведения помимо советской цензуры.

* Борис Андреевич Пильняк (1894–1938) был в дружеских отношениях с Ахматовой, адресат стихотворения «Все это разгадаешь ты один...» (1938, Венок мертвым III). В 1929 г. в ответ на развернувшуюся в советской печати травлю Пильняка и Евгения Ивановича Замятина (1884–1937) Ахматова демонстративно вышла из ВСП. См. об этом, в частности, дневник Лукницкого за 1929 г.: «В моем кармане заявление АА о выходе из Союза писателей: „В правление Союза писателей. Заявляю о своем выходе из Союза писателей. 13 октября 1929. А. Ахматова“» (Цит. по: Ахматова А. Requiem. М.: Издательство МПИ, 1989, с.86). В 1935 г. Ахматова обратилась к Пильняку с просьбой о содействии в освобождении из-под ареста Л.Н. Гумилева и Н.Н. Пунина. На квартире Б. Пильняка 3 ноября 1935 г. торжественно праздновалось освобождение Гумилева и Пунина. См. об этом подробнее в «Мемуарах» Э.Герштейн (с.219). Воспоминания Ахматовой о Пильняке в записи Наймана см. в кн.: Найман А.: «погубила его — как и Бабеля — близость к НКВД. Обоим тянуло дружить и кутить с высокими чинами оттуда: „реальная власть“, острота ощущений, да и модно было. Их неизбежно должно было всосать в воронку“. Помолчала, потом сказала: „Пильняк семь лет делал мне предложение, я была скорее против“» (с.94).

В.Д.: «Мы» и «Красное дерево».

В.А.: Да. Союз писателей в Ленинграде — это был, по-моему, еще догорьковский союз, так называемых «попутчиков»... Я был членом этого Союза в Москве.

В.Д.: Это была еще просто литературная группа, а не единый Союз советских писателей, да?

В.А.: Да. И вот Анна Андреевна тоже состояла в этом Союзе. А они что сделали? Они вынесли резолюцию с осуждением Замятина и Пильняка.

В.Д.: Кажется, отдельно это было... Пильняка только. Замятин уехал раньше на два года или полтора.

В.А.: Нет-нет, нет! Неверно. Пильняк был в Москве, поэтому его здесь осуждали, а Замятин был в Ленинграде.

В.Д.: Ах, так! Это возможно.

В.А.: И вот, значит, осудили и потребовали объяснений. Замятин ответил: «Ни один суд в мире не выносит решения раньше, чем получил объяснение. Поскольку вы меня уже исключили, то зачем я вам буду объяснять всё?» И Анна Андреевна из солидарности вышла из Союза. Тогда к ней приехал молодой человек какой-то, может, из Союза, а может, из других...

В.Д.: Не Захаров-Мэнский?*

* Имеется в виду Николай Николаевич Захаров-Мэнский (1895 – после 1939) — в 1920-е гг. известный поэт, член правления Всероссийского союза поэтов, член группы неоклассиков. С 1930 г. его неоднократно арестовывали органы ГПУ-НКВД. Погиб в заключении.

В.А.: Не имеет никакого значения. Приехал молодой человек уговаривать ее взять обратно заявление, поскольку эта демонстрация чрезмерно, так сказать, активна... Она говорит: «Я уже склонялась взять обратно заявление, но тут он сказал: «И потом, вам же будет хуже, Анна Андреевна: вы не получите продовольственные карточки, вы не сможете пользоваться там какими-то благами еще». Она сказала: «Вот теперь уже все. Теперь я не могу взять обратно, раз вы так сказали. Теперь езжайте туда и скажите, что я отказываюсь вернуться в ваш Союз». Это удивительно.

В.Д.: Это понятно, понятно. Это и вполне естественная реакция.

О Борисе Пастернаке

В.А.: Это такая же история была с Пастернаком во время процессов 37-го года против вождей оппозиции. Было собрание, на котором все голосовали за то, что они злодеи и что их надо убить — Рыкова, Бухарина, Зиновьева* — всех, а Пастернак не пошел на это собрание. Тогда к нему прислали молодого человека из «Литературной газеты», чтоб он подписался под этой резолюцией дома. А Борис Леонидович сказал: «Как я могу требовать казни людей, вина которых мне неизвестна?» Ему сказал этот мальчик, что, «помилуйте, газеты... полны этими сведениями». Он сказал: «Вот газеты знают, пусть они и пишут, а мне это невнятно, и я, пока не увижу своими глазами доводы о том, что они действительно такие злодеи, — я не подпишу». Тот сказал: «Ну как же!..» — «Молодой человек, — сказал Пастернак, — зачем вы ко мне пришли?» — «Чтоб вам было удобней». Пастернак сказал: «Мне будет очень удобно, если вы сейчас

же уйдете из моего дома». Вот какие, значит...

* Алексей Иванович Рыков (1881–1938), Бухарин Николай Иванович (1888–1938), Григорий Евсеевич Зиновьев (наст. фам. Радомысльский, 1883–1936) — советские партийные и государственные деятели. Расстреляны.

В.Д.: Любопытно очень. Не помните, какой это был процесс? Вот вы так это сказали вместе — это не могло быть: они врозь... Один был «Каменев — Зиновьев», 37-й год...

В.А.: А это не имеет значения, первый или второй...

В.Д.: ...в 38-м году — Бухарин, Рыков и так далее. Ну, в общем, ладно.

В.А.: Конечно! Это все те же дела, те же процессы. Кстати, интересно, что сделали наши умники, когда стали травить Пастернака за получение им Нобелевской премии*. Потом Хрущев признал, что это была глупость. А прекратить кампанию нам пришлось, ибо Морис Торез, Тольятти** и другие руководители компартий Западной Европы прислали телеграммы с просьбой прекратить травлю Пастернака, потому что на этой почве люди уходят из компартии.

* Травля Пастернака из-за получения им Нобелевской премии началась 25 октября 1958 г. В этот день «Литературная газета» опубликовала статью «Провокационная вылазка международной реакции» и «Письмо» Б. Пастернаку от редакции журнала «Новый мир». Подробнее о травле Пастернака см., в частности: Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2.

** Морис Торез (1900–1964), Тольятти Пальмиро (1893–1964) — деятели международного коммунистического движения.

В.Д.: Да-да, ну, это уже дело недавнее сравнительно.

В.А.: А вы знаете, там было такое положение, что прислали к нему якобы медицинскую сестру на дом наблюдать, что там будет. Она жила два дня, и добрые Пастернаки ее сажали с собой обедать, но когда она сказала (*смеется*): «Зинаида Николаевна, зачем вы мне ложите столько мяса?» — Пастернак не выдержал этого вульгаризма и сказал: «Пошла вон отсюда!» (*Смеются.*)

О доброте Ахматовой. «Поэма без героя»

В.Д.: Но вернемся к Анне Андреевне.

В.А.: Да, конечно. Анна Андреевна... была еще необыкновенно добра. Ее сын, Гумилев Лев Николаевич, называл ее старухой-процентщицей, потому что если она получала где-нибудь деньги, она их как можно скорее раздавала нуждающимся людям, бедным. Она делала подарки кому-то, кормила, кому-то дарила платья, обувь и так далее. А ее соседка по большой квартире на Фонтанке (это бывший Шереметевский дворец, и в той квартире, где жил Николай Николаевич Пунин, а впоследствии она — вот эта квартира принадлежала замужней дочери графа; большая квартира, много комнат, поэтому, когда ее стали заселять, там оказались, как во всех коммунальных квартирах, разные люди) была какая-то работница.

” Она уходила утром на свою фабрику, а у нее оставался маленький сын, и ребенок был без присмотра, и Анна Андреевна брала на себя заботы об этом ребенке. А работница говорила соседкам по дому: «У меня нянька мировая!»*.

* Соседкой Ахматовой по Шереметевскому дому была Таня Смирнова, мать Вали и Вовы («Шкалика») Смирновых. Памяти Вали Смирнова посвящены стихотворения «Щели в саду вырыты», «Постучись кулачком я открою...» См.: Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой: «Вошла в комнату — не постучав — Таня, принесла завернутого в одеяло, похудевшего, хмурого Шкалика. — Хочешь к Ане? — Не хоч! — и отвернулся. Анна Андреевна, подержите его, — сказала Таня. — Я с утра не храмши» (Т. 1. С. 91).

(*Смеются.*)

В.Д.: Да, это хорошо!

В.А.: Еще могу рассказать. Когда это знаменитое решение 46-го года произошло, Зощенко это подкосило

вконец. Он умер так же, как умер художник Иванов Александр и как Гоголь: он отказался принимать пищу впоследствии и от этого рано умер*. Что касается Анны Андреевны...

* Александр Андреевич Иванов (1806–1858) и Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) умерли от анорексии (отказа от приема пищи). Сходные обстоятельства смерти Гоголя и Зощенко рассматривает М.В. Ардов в книге «Возвращение на Ордынку» (гл.: «Н.В. Гоголь: человеческая трагедия»).

В.Д.: В 56-м году умер — почти 10 лет прошло.

В.А.: Да, но 10 лет угасания.

В.Д.: Ну да...

В.А.: А Анна Андреевна реагировала на это следующим образом. Она сказала: «Они с ума сошли! Разве со мной можно так бороться: ведь теперь на моей могиле будут чудеса делаться. Меня надо замалчивать, они же это умеют — так зачем же эта глупость?»

И самое интересное, что... Это был 46-й год, когда еще были продовольственные карточки. Ее, естественно, лишили карточек, всего прочего... Так вот, неизвестные люди... (*говорит, с трудом справляясь с волнением*) приходили каждый день и бросали десятки карточек в ящик почтовый и уходили...

В.Д.: Да, это надо записать.

(Пауза.)

В.А.: Значит... Она настолько любила юмор, что охотно выслушивала те мои произведения, которые я считал возможным ей прочитать. Я, так сказать (*голос прерывается от волнения*) не всё читал, потому что наше дело юмористическое, полно всяких пустяков, и нет надобности... но то, что я читал, она оценивала очень интересно и всегда справедливо, вот так. (Пауза.)

Она была человеком удивительной силы интеллекта, она знала множество языков, читала по-английски, по-итальянски, по-французски, по-немецки. Вы посмотрите, какие у нее эпитафии! Из кого только нету эпитафий к ее стихам: Байрон, Гёте, Леопарди... кто ж там еще?.. Гюго и так далее. (Пауза.)

Потом, надо сказать, что она понимала события удивительно глубоко и сразу. Это видно по ее стихам. Она давала оценку тому, что происходит на свете и в стране, точно, даже если события еще, так сказать, не завершились. Так она оценила войну, так оценила и 37-й год и так далее.

В.Д.: Вы имеете в виду ее стихотворения о войне, которые были напечатаны тогда?

В.А.: Конечно.

В.Д.: «...Мы сохраним тебя, русская речь...»

В.А.: Не только! Это одно маленькое стихотворение, но у нее же много... А ее «Реквием» вы знаете?

В.Д.: Знаю, конечно. Читал.

В.А.: Так этот цикл ею написан тогда — в 30-х годах. Тогда же, в начале 40-х — в конце 30-х годов, и она, боясь конфискации, потому что обыски делали у нее много раз, она их держала в голове, пока не помер Сталин и можно было изложить это на бумаге.

В.Д.: Вы не знаете, кроме «Реквиема», который до сих пор ведь не напечатан...

В.А.: У нас — нет, в Западной Германии — напечатан.

В.Д.: Ну, так это другое дело, во всяком случае, у нас он существует только в самиздатовских каких-то... перепечатывается... Я его читал несколько раз (давно уже теперь), но тогда же, во время войны, в 43-м году, была — поэма была...

В.А.: «Без героя»?

В.Д.: Вот я не помню, у нее не было, по-моему, названия. Она ходила без заглавия. Я запомнил некоторые строчки:

Редактор был недоволен,

Говорил, что он занят и болен,

Засекретил свой телефон...

Она такими отдельными... отдельными стихами была, так же как и «Реквием», вот... И потом, значит, к ней обращается кто-то: «А с твоей двусмысленной славой я...»

В.А.: Не цитируйте! У меня есть эта поэма с ее собственной подписью, «Без героя» называется.

В.Д.: «Без героя»?

В.А.: Да.

В.Д.: Она не напечатана или напечатана?

В.А.: Нет! Кусочками она напечатана где-то на Западе, а может, и полностью. Нет! У нас напечатаны в «Дне поэзии» какие-то куски*. Там она придумала новый интересный размер стихотворный, ближе всего он к «Бородину» Лермонтова**.

* При жизни Ахматовой «Поэма без героя» в СССР не была опубликована полностью. Фрагменты печатались в журналах: «Ленинград» (1944, № 10/11), «Москва» (1959, № 7), «Новый мир» (1965, № 1), в альманахах «Ленинградский альманах» (Л., 1945), «Антология русской советской поэзии» (М., 1957. Т. 1), «День поэзии» (М., 1962, 1963, 1964) и в сб. «Бег времени». Впервые полный текст опубликован в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960, № 1) «без ведома автора».

** С этим мнением Ардова трудно согласиться.

В.Д.: Я тогда же (я горячий маяковист, как вы знаете, но одновременно и музейный человек все-таки), тогда же кто-то мне это дал и тогда же я подумал: «Батюшки мои! Что же это?! А ведь это может и вообще погибнуть!» Я тщательнейшим образом это переписал со всеми пометками, которые там были, и переписал, с какого я списка это взял — ну, и у меня остался... Я не знал, что это... Потом я искал это в одностомничке небольшом ее...

В.А.: Да нет, это не напечатали. Боятся печатать. У меня есть с ее собственной подписью, есть без подписи, но с ее правкой — несколько вариантов. Она над этой поэмой работала чуть ли не до смерти. Все возвращалась, чего-то добавляла, меняла. Это феноменальная вещь по ощущению этих страшных катастроф, которые надвигаются на Петербург и на царскую Россию. Тут она равна Блоку.

В.Д.: Этого я многого еще не понял тогда...

В.А.: Нет, понять-то можно все, тем более что мы-то знаем из ее собственных комментариев. Речь идет о ее приятельнице — очень красивой женщине, жене художника Судейкина — Ольга Судейкина. Есть даже фотография, где Анна Андреевна снята с Судейкиной. Эта фотография воспроизведена, между прочим, в книге французской исследовательницы «Поэзия Ахматовой» и издана в Лионе*, а мы с ней дружили... она русская эмигрантка, эта женщина.

* Ошибка мемуариста. Книги о поэзии Ахматовой, изданной в Лионе, не существует. Вероятно, имеется в виду следующее издание: Poésies. Présentées et trad., du russe par Sophie Laffitte. Paris, Seghers, 1959.

(Перерыв в записи.)

В.А.: Эта Судейкина (она эмигрировала впоследствии) пользовалась большим успехом, и в нее был влюблен какой-то молодой человек — офицер или юнкер, и он застрелился около ее порога*, поскольку у нее были другие любовники, и она, так сказать, пренебрегала этим мальчиком. Вот эта история, казалось бы, совершенно частная, и дает Анне Андреевне повод развернуть картину веселящегося светского и полусветского литературного Петербурга.

* Речь идет о Всеволоде Гавриловиче Князеве (1891–1913), покончившем жизнь самоубийством в марте 1913 г. в Риге, а не в Петербурге, как ошибочно полагает Ардов.

Там есть такие строки:

А мне эта тема,

Как на полу хризантема,

Когда гроб несут...

Поэма совершенно поразительная. Обычно Ахматова писала короткие стихи, причем она это мотивировала тем, что лирическое волнение, которое надо вызвать у читателя, не может быть длительным. Так что это с ее стороны было сознательным актом. В стихотворении, ну, 20 — 30 строк от силы, а то и меньше. Стихи эти вы все знаете. А тут она много лет лелеяла, я бы сказал, эту вот поэму, в которой она конкурирует с Блоком. Я однажды спросил у Чуковского, который с Блоком был довольно близко знаком, нельзя ли объяснять вот этот пессимизм и предвестие катастроф в поэзии Блока тем, что он по характеру мог обладать вот таким пессимизмом и тревогой, как бы находящейся внутри человека? Ну, это то же самое, что Кассандра. Я убежден, что Кассандра именно вот от этой тревожности своей и была такой. Корней Иванович сказал: «Смотрите, Ардов, вы разбираетесь».

В.Д.: Хм!

В.А.: Ну, вот, пожалуйста, я не возражаю, потому что в какой-то мере мне это стало ясно, когда я стал уже взрослым и даже старым. Это не умаляет, конечно, поэзии, не умаляет ничего из того, что сделал Блок, но это важное обстоятельство. Это очень важное обстоятельство.

Так вот, Блок был в преддверии этой эпохи. Анна Андреевна возвращается к ней из 40-х — 50-х — 60-х годов. Она уже все знает, все пережила, все перенесла и в историческом плане, и в личном. Тем более это ценно.

Об архиве Ахматовой

В.Д.: Много стихов... после нее осталось, которые еще не печатали?

В.А.: Некоторое количество осталось. Я не могу просто взять на себя смелость и говорить — сколько, каких. Я знаю, что они были и в ее личном архиве, и кое-что передано... Потом все это было передано в Пушкинский Дом; нет, простите, не в Пушкинский Дом, а вот как раз ее падчерица-то, Пунина, и внучка эта, Каминская, — они всё передали в Ленинградскую публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, отчасти. А другую часть — в Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве*. И это было предметом судебного разбирательства, в котором меня вызвали свидетелем, но я предпочел написать заявление в суд, потому что я воспользовался случаем, чтобы оставить, так сказать, рукописный след о том, как она, и Гумилев Николай Степанович, и Гумилев Лев Николаевич, и Пунин Николай Николаевич — как они провели свою жизнь, и как страдали ни за что всю свою жизнь. Так вот, я должен сказать, что я там, к большому неудовольствию Льва Николаевича Гумилева, который перестал со мной здороваться, утверждал, что нет надобности возвращать эти рукописи в Пушкинский Дом, а надо их оставить там, где они есть; и деньги, которые получили эти две бедные женщины, тоже не надо им возвращать. Так первая инстанция постановила: рукописи оставить там, где они есть, а деньги они должны бы вернуть, а Верховный Суд Федерации стал полностью на мою точку зрения. Так что там какие-то стихи, конечно, есть. Не может быть, чтобы не было.

* Архив Ахматовой был продан Пуниными в три различных места: ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ, Москва), Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина, Пушкинский Дом (Ленинград). Подробнее об этом см.: С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским (С. 254). Авторские права на имеющуюся у него часть архива были безвозмездно переданы Л.Н. Гумилевым в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

В.Д.: А у вас ничего не осталось?

В.А.: У меня есть некоторое количество, даже не у меня, а у моей жены, так что некоторое количество ее рукописей, а также подписанных ею машинописных экземпляров мы имеем. Также имеем много фотографий и каких-то документов, вырезок и ее статей, и о ней, воспоминания, — это все у нас есть. Недавно к нам приходил заместитель редактора «Литературной России», Банников Николай Васильевич*, он какую-то книгу готовит об Ахматовой, и мы ему кое-что дали, показали и прочее. Хорошую книгу написал Ефим Добин в Ленинграде. Вы читали?

* Банников Николай Васильевич (р. 1918) — литературовед.

В.Д.: Нет, это не видел.

В.А.: Превосходно написал. А лучшая книга — Жирмунского*.

* Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) — литературовед, академик. Автор книги «Творчество Ахматовой» (Л., 1973).

В.Д.: Жирмунского, потом Виноградова Виктора Владимировича еще есть лингвистическое исследование.

В.А.: Виноградов был человек очень одаренный и эрудированный, но суховат.

В.Д.: Да, и злой. (*Ухмыляется.*)

В.А.: Злой-то он был безме-е-ерно, был безмерно, но он и суховат. Видите, когда пишешь о поэте, неправильно делать ставку на то, что ты пишешь в его манере. Так всегда окажешься в дураках. Неправильно писать и сухо. А вот именно Жирмунский и Добин* — они пишут так, как нужно, то есть они находят свой строй, свой ритм, свой стиль, который не конкурирует со стихами или произведениями Ахматовой или кого угодно, но выражает их точнее, нежели другие стили. Это очень важное дело.

* Ефим Добин — Ефим Семенович Добин (1901–1977) — критик, литературовед. Имеется в виду его книга «Поэзия Ахматовой» (Л., 1968).

Ахматова и другие поэты

В.Д.: Скажите, пожалуйста, вы, так сказать, можете что-нибудь сказать с ее слов? Вот об ее отношениях, во-первых, конечно, к Мандельштаму и жене, и вообще к литераторам? Ну, Мандельштам — это особо и в первую очередь, затем... Вы знаете ее стихи о Маяковском и стихи Блока о ней? Вот что она говорила о современных литераторах?

В.А.: Видите, о Мандельштаме она всегда отзывалась с необыкновенной симпатией*. Это близкий ее соратник по группе «Цех поэтов», или акмеистов. Она этого никогда не забывала. Акмеистов было мало. В поэзии в это время главенствовали символисты, и бороться с ними было трудно. Почему я это все вам рассказываю? Чтобы сказать, что вот это *ощущение*, что он совсем свой, что он талантливый — непризнанный и несчастный — тем не менее как родной брат, — это у ней было всегда. Соответственно, она относилась неплохо и к Надежде Яковлевне, потому что та была рядом с ним и переносила удары судьбы, которые сыпались на Мандельштама, как мы знаем, с 33-го года по самую его смерть в лагерях на Дальнем Востоке.

* Ср. с наблюдением Д. Максимова: «Ахматова больше всех из современных ей поэтов одного поколения с нею ценила Мандельштама. <...> Она считала Мандельштама крупнее Пастернака (запись 23 июля 1959 г.). Критических замечаний о Мандельштаме я от нее никогда не слышал» (Максимов Д.Е. Об Анне Ахматовой, какой помню // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 120), а также с высказыванием самой Ахматовой в передаче Н.Я. Мандельштам: «Не надо нас делать близнецами, но и разлучать нас нельзя — мы вместе» (Н. Мандельштам. Вторая книга, с.196). О Мандельштаму посвящены стихотворения «Воронеж», «Я над ними склонюсь, как над чашей...» (Венок мертвым IV) и мемуарная проза «Листики из дневника» (1963).

Надо вам сказать, что я не предполагал, что такая страшная будет картина жизни этого поэта, какую справедливо обрисовала Надежда Яковлевна в первом томе. Этого нельзя даже читать, до такой степени страшна эта систематическая и всесторонняя травля, которой он подвергся за то, что он имел несчастье написать два или три стихотворения о Сталине и еще большее несчастье прочитать эти стихи десяти людям*.

* Имеется в виду стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...», которое в 1934 г. Мандельштам «вдохновенно читал Анне Андреевне Ахматовой и Льву Гумилеву <...> „Особенно Лева не должен его знать“, — вспоминается мне напряженный голос Нади (Э. Герштейн. Мемуары. С. 329). Отзыв Л.Н. Гумилева на это стихотворение, услышанное им с голоса Мандельштама, стал одной из причин его ареста в 1935 г. Арестованный в 1934 г., Мандельштам, «выбрав на следствии позицию полной откровенности, о реакции Левы на это чтение отозвался так: „Лев Гумилев одобрил вещь неопределенно-эмоциональным выражением вроде „здорово“, но его оценка сливалась с оценкой его матери Анны Ахматовой, в присутствии которой эта вещь была прочитана“» (Там же).

В.Д.: Да.

В.А.: ...Поэтому она [Ахматова] всегда подчеркивала, что она, так сказать, — соратник Мандельштама и что он очень талантлив и прочее... Она даже Зенкевича тоже очень любила* и говорила: «Я люблю еще его за то, что он последний на земле, который называет покойного Гумилева — „Коля“».

* Михаил Александрович Зенкевич (1881–1973) — поэт-акмеист, участник «Цеха поэтов», переводчик. Автор воспоминаний «У камина с Ахматовой» (Воспоминания об Анне Ахматовой). О Зенкевиче см., в частности, следующее высказывание Ахматовой в записи Лукницкого: «...Зенкевич хороший и простой человек» (Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. С. 179), а также воспоминания Н. Мандельштам (Вторая книга. С. 47–49, 53).

В.Д. (усмехаясь): Он и в разговоре со мной так употреблял.

В.А.: Он говорил «Коля».

В.Д.: Один из первых, кого я записывал*.

* В.Д. Дувакин записывал воспоминания М.А. Зенкевича в 1967 г. Запись хранится в ОУИ НБ МГУ (ед. хр. №2, 3).

В.А.: Маяковского она не очень, так сказать, любила, — его поэзию*. Она... во-первых, в его лирике ее не устраивал мазохизм, который, конечно, у него был при его гигантской фигуре, голосе и прочее. Вот это... значит, — подчинение...

* Ср., в частности, с высказыванием Ахматовой в записи Л. Чуковской: «Он писал хорошо до революции и плохо — после. От Демьяна не отличить. <...> „Во весь голос“, конечно, великая вещь <...> Но это у него предсмертное. А вообще Маяковский силен и велик только до революции. Божественный юноша, явившийся неизвестно откуда» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 363).

В.Д.: Страданию.

В.А.: Страданию и так далее — это ее не устраивало. Она понимала, что это большой поэт, относилась к его судьбе с симпатией, но это был не ее плана бард, так скажем.

Что касается Есенина, то тут ее огорчало полное отсутствие каких-либо, так сказать, глубоких идей*. Она говорила, что в России никогда не было поэта такого дарования, как Есенин, чтобы он был до такой степени эгоцентричен и, так сказать, в своих стихах потребитель всего: и пейзажей, и женщин, и вина и прочее... Это, конечно, за ним есть — за Есениным. А к ней Есенин пришел еще в Петербурге до революции, когда он костюмировался под певчего из архиерейского хора и прочее.

* О Есенине см. следующее высказывание Ахматовой в записи Лукницкого: «Сначала, когда он был имажинистом, его нельзя было раскусить, потому что это было новаторство. А потом, когда он просто стал писать стихи, сразу стало видно, что он плохой поэт. Он местами совершенно неграмотен. <...> В нем ничего нет — совсем небольшой поэт. Иногда еще в нем есть задор, но какой пошлый!.. <...> Пошлость. Ни одной мысли не видно... И потом такая черная злоба. Зависть. Он всем завидует... Врет на всех, — он ни одного имени не может спокойно произнести». Описывая облик Есенина, АА произнесла слово «гостинно-дворский» (Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 37). О гибели Есенина: «Анну Андреевну волнует его смерть. <...> Как хрупки эти крестьяне, когда их неудачно коснется цивилизация... <...> Страшно, когда умирает поэт...» (Там же. С. 312). Памяти Сергея Есенина Ахматова посвятила стихотворение «Так просто можно жизнь покинуть эту...» (1925).

К ней все приходили. Когда к ней пришел Сергей Антонов, читал стихи, она выслушала стихи, сказала: «Вы будете прозаиком». То же самое она предсказала Симонову. А он тоже поэтом ведь начинал. Все к ней приходили. Всех приводили... Если человек того стоил, то она разговаривала о нем всерьез.

(Пауза.)

Стихи она понимала проникновенно, конечно, и не только стихи. Ну, такая житейская чуткость в ней была...

” Она, входя в комнату, уже понимала, кто с кем в каких отношениях, кто счастлив, у кого горе, что кому надо сказать. Интеллект был совершенно феноменальный.

Причем эрудиция, знание языков, так сказать, широта мышления в ее стихах — ведь это же воистину историческая. А с другой стороны — вот такая чисто женская чуткость.

В.Д.: Вы не помните каких-нибудь ее высказываний, ну, во-первых, конечно, о Блоке — и о Брюсове, что интересно. Ведь о Брюсове очень по-разному...

В.А.: Сказать по совести, она Блока не любила*.

* Высказывание Ардова слишком категорично. Известны негативные оценки Ахматовой личностных качеств Блока, не применимые к Блоку-поэту. См., в частности, «Записки» Л. Чуковской: «В Блоке жили два человека: один — гениальный поэт, прорицатель, пророк Исайя; другой — сын и племянник Бекетовых и Любин муж. „Тете не нравится“... „Маме не нравится“... „Люба сказала“» (Т. 2. С. 229–230). «Когда я с ним познакомилась — в 1911 году — он уже ничуть не скрывал своего презрения к людям и того, что они ему ни для чего не требуются» (Там же. С. 414). Ср. со следующей записью Н. Пунина 10 февраля 1923 г.: «Ахматова сказала о Блоке <...>: „Он страшенький. Он ничему не удивлялся кроме одного: что его ничто не удивляет; только это его удивляло“» (Пунин Н.Н. Наша любовь — темная радость // Наше наследие. С. 103). А. Блоку адресованы стихотворения «Я пришла к поэту в гости» (1914); «Ты первый, ставший у источника...» (1914?); «А Смоленская нынче именинница...» (1921); цикл «Три стихотворения»: «Пора забыть верблюжий этот гам...» (1944–1950), «И в памяти черной пошарив, найдешь...» (1960), «Он прав — опять фонарь, аптека...» (1946) и мемуарная проза «Воспоминания об Александре Блоке» (1965).

В.Д.: Блока не любила? Вы стихи помните Блока Ахматовой: «Красота страшна...»*?

* Цитируется первая строка стихотворения А. Блока «Анне Ахматовой» (1913).

В.А.: Да. Она Блока не любила. Причем еще тут сказывался вот этот групповой интерес акмеистов против символистов. Как ни странно, это сказывалось. Но она никогда не позволяла себе высказываться против того, что Блок великий поэт и прочее. Она была чрезвычайно уважительна к памяти Блока, к редким встречам, которые у них были, но, по-моему, она его просто не любила. О Брюсове — я что-то даже и не помню*...

* В своих воспоминаниях «Анна Ахматова» (Этюды к портретам) Ардов приводит резкий отзыв Ахматовой о Брюсове и его поэзии. См. также в «Записках» Л. Чуковской: «АА, на улице, об очень нелюбимом ею Брюсове: „Он знал секреты, но не знал тайны“» (Т. 1. С. 343). Подробнее об отношении Ахматовой к Брюсову см.: там же. С. 51–52.

В.Д.: Цветаева написала убийственную характеристику Брюсову, тоже субъективную, но очень резкую.

(Перерыв в записи.)

В.Д.: Так что о Брюсове не помните?

О встрече Ахматовой и Цветаевой

В.А.: Нет, о Брюсове ничего. Я вам могу только еще рассказать вот что. В 40-м году я жил в Голицыне, в Доме творчества. Там среди прочих была Марина Ивановна Цветаева. Она жила там...

В.Д.: В 40-м году?

В.А.: В 40-м. Она жила там потому... (*Перерыв в записи.*) Она жила в Голицыне не как курсовочник по короткому сроку, а потому что она приехала в Советский Союз и в Москве у нее не было жилплощади, и ее приютили там. И бедная эта женщина уезжала утром в Москву по своим делам, а вечером возвращалась — зимой, поздно вечером, обратно. Мы с нею там разговорились... о многом... Она рассказывала, я тоже чего-то старался ей передать. А потом она выяснила, что моя семья находится в дружбе с Ахматовой и что в данный момент Анна Андреевна живет у нас в Москве. Тогда она выразила желание встретиться с Ахматовой*.

* Первая встреча Ахматовой и Цветаевой произошла в июне 1941 г. на квартире Ардовых. См. о ней воспоминания Ахматовой в записях Л. Чуковской (Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 448–449), Н. Ильиной (Дороги и судьбы. С. 355–356), а также Н. Ольшевской в записи Э. Герштейн (Мемуары. С. 480–481). Вторая (на следующий день) — на квартире Харджиева в Марьиной роще в присутствии Пастернака и Герштейн. См. о ней: «Мемуары» Э. Герштейн (С. 498–500) и воспоминания Н. Харджиева (Вопросы литературы, 1989, № 6), а также записи самой Ахматовой (Записные книжки. С. 191–192, 278).

В.Д.: Это очень интересно.

В.А.: Я дал свой телефон, приехал и рассказал Анне Андреевне об этом. Через некоторое время — это было зимою — позвонила...

В.Д.: Марина Ивановна?

В.А.: Марина Ивановна, и, стало быть, Анна Андреевна сказала, что она ее просит приехать сейчас к нам на Ордынку. Тогда Марина Ивановна стала спрашивать, как ехать, какая улица и прочее. Анна Андреевна отвечала, очевидно, не очень внятно, потому что Марина Ивановна сказала: «А нет ли дома у вас кого-нибудь, кто не был бы поэтом и мог бы объяснить точнее?» Анна Андреевна подозвала меня, и я объяснил. И через некоторое время Марина Ивановна приехала... (*Пауза.*) ...через некоторое время они перешли в маленькую комнату, где жила Анна Андреевна, а я остался здесь, в столовой, и некоторое время размышлял, следует ли мне идти за ними, а потом я понял, что это было бы бестактным, потому что они не уходили бы, если бы могли говорить при мне.

 Я понимал, что теряет многое история литературы от того, что эта беседа не будет мною зафиксирована. Но я не рискнул туда пойти.

В.Д.: Конечно.

В.А.: Беседа продолжалась час или полтора, а потом Марина Ивановна ушла. Анна Андреевна ее перекрестила, и они, кажется, больше и не видались. А в 41-м году, осенью, Марина Ивановна повесилась в Елабуге, куда ее направили в эвакуацию, так сказать, второго ранга, потому что первого ранга оставляли в Чистополе, где жизнь была легче, а туда отправляли тех, на ком висело какое-нибудь, так сказать... тяжесть какая-нибудь перед советской властью. Старик Тренёв был тем палачом, который сказал, что «мы вас здесь не оставим»*.

* Имеется в виду Константин Андреевич Тренев (1876–1945) — писатель, драматург.

Ну, жизнь у нее была очень страшная, у Марины Ивановны. За границей — эта безысходная бедность, ощущение того, что она никому не нужна, а здесь — она приехала со своим мужем*... Эфрон его фамилия?

* Цветаева с сыном вернулась в СССР в 1939 г. Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941) — член Союза возвращения на Родину. С 1931 г. был завербован органами НКВД. Осенью 1937 г. выехал в СССР в связи с грозившим ему арестом из-за причастности к делу об убийстве И. Рейса. Арестован в 1939 г., расстрелян. Георгий Сергеевич Эфрон (Мур, 1925–1944) — сын Цветаевой Эфрона, Ариадна Сергеевна Эфрон (1912–1975) — их дочь, переводчик, прозаик, художник. В 1937 г. вернулась в Россию. В 1939 г. была арестована. Освобождена в 1948 г. В 1949 г. подверглась повторному аресту. Вернулась из ссылки в 1955 г.

В.Д.: Эфрон. Он раньше приехал.

В.А.: Он раньше — его арестовали, сына убили на войне впоследствии, осталась только дочка.

Теперь я должен вам сказать, что я написал небольшой мемуар на тему свидания Ахматовой с Цветаевой. Конечно, я никому его не давал в нашей печати, но кое-кому из коллекционеров воспоминаний и прочих литературных материалов я дал. И вот вам результат: ко мне прибежал встревоженный приятель и говорит: «Вчера твою статью про Ахматову и Цветаеву передавала радиостанция „Немецкая волна“ на русском языке, и теперь ты жди неприятностей за то, что ты опубликован в таком антисоветском рупоре». Ну, я сказал, что меня это совершенно не беспокоит, потому что там ничего нет, что могло бы быть истолковано как непатриотическое или антисоветское... Действительно, никаких последствий это не имело.

В.Д.: Это очень хорошо, значит, это уже зафиксировано, раз это передавала «Немецкая волна», значит, там уже есть все это. Значит, когда-нибудь это появится и в русской печати...

В.А.: Да, несомненно.

В.Д.: Это страшно интересный факт. Мы будем хранить, тоже, конечно, никуда не дадим...

О святости Ахматовой

В.А.: Пожалуйста. *(Пауза.)* Я хочу сказать еще вот о чем. Я склонен полагать, что Ахматова была как бы святая, то есть она не обладала никакими пороками, была необыкновенно добра*. Она была очень верующая. Главное, что она чтит христианскую этику. С ней произошел такой случай. Ее сын, Гумилев, как известно, ученый, прочитал ей какую-то цитату из жизни жрецов или еще кого-то такого в Индии, в древности. И там про этого жреца написано, что он старался не наступить на насекомых, когда гулял в садах. Тогда Анна Андреевна сказала: очевидно, он был христианин**. Лев Николаевич стал копаться и, действительно, убедился в том, что это было так. Вот какая она была.

* Ср. со следующим свидетельством Лукницкого: «АА никогда, ни разу не сказала ни об одном человеке дурно или зло. АА проникнута симпатией даже к самым неприятным ей людям, она глубоко объективна в своих суждениях» (Лукницкий П.Н. Встречи с А. Ахматовой. Т. 1. С. 86), а также Н. Пунина: «Даже если мое начало свет, ее начало — ангельское» (Пунин Н.Н. Наша любовь — темная радость // Наше наследие. С. 101).

** В воспоминаниях об Ахматовой в кн. «Этюды к портретам» (и «Великие и смешные») Ардов приводит этот рассказ в несколько иной версии.

Но она была святая, а не святоша. Например, она очень любила веселое застолье. Ну, мы вообще с женой живем широко, и всегда у нас бывают люди, и она много выходила к нам, к нашим друзьям. А иногда мы принимали ее друзей. А бывало и так. Когда мои сыновья подросли уже, то она вдруг говорила Мише или Боре: «Ребенок, вот тебе деньги, пойдди купи вина и всего, что еще нужно, я хочу сегодня веселиться». Ребята у нас оба воспитаны так, что они, так сказать, и кулинары, и метрдотели, и всё могут справиться, и, значит, вечером уже она нас приглашала за стол, приходил кто-нибудь из ее знакомых, или из наших — это не имело значения, и мы сидели, веселились, рассказывали смешное. Она и видела много смешного в жизни и описывала нам изустно, так сказать, и понимала юмор удивительно тонко. Так что, вот видите, какая она была.

Она к Зоценко относилась с симпатией и очень ему сочувствовала. Она жалела, что он так глубоко к сердцу принимает вот это решение. А надо сказать, что Зоценко отличался, я бы сказал, гоголевским комплексом. Я не могу сказать, что он равен Гоголю. Это глупая позиция. Но он, во-первых, свои маленькие сатирические рассказы, очень талантливые, которые мне очень нравятся... он полагал, что эти рассказы могут — как сказать — воздействовать на людей. Как, вот, Скрябин думал, что его музыка излечит человечество от зла, так и Зоценко полагал, что его рассказы имеют большое значение. И когда Константин Александрович Федин стал ему объяснять, что Зоценко — наш современный Иван Федорович Горбунов, то Зоценко обиделся, по свидетельству Фебина, он свою миссию видел гораздо выше. И вот потому, что его так обидели, принизили и написали, что он такой негодяй — это он пережить не мог. Кончилось дело тем, что он умер от этой вот мании преследования. Должен сказать, что у Гоголя

в «Мертвых душах» есть превосходная тирада о том, что хорошо автору, который описывает положительных романтических героев, добродетельных и прочее, и плохо тому автору, который описывает плохих людей, сатирически, пошлых и так далее*. Вот этот кусок полностью относится к Зоценко. Я его выписал и послал старику в утешение**.

* Имеется в виду лирическое отступление Н.В. Гоголя в начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ».

** Ардов написал о своей дружбе (правда, не очень тесной) с Зоценко в книге «Этюды к портретам» (с.80–92; Великие и смешные, с.92–101).

Должен сказать вам, что Анна Андреевна часто говорила: «Вот зря Мишеньку обидели». А сам Зоценко, он сперва даже не понимал, как ему реагировать на это. И все это произошло потому, что в одном рассказе Зоценко упомянул обезьянку, которая сидит, маленькая, коричневая*...

* Имеется в виду рассказ М. Зоценко «Приключение обезьянки» (1945).

В.Д.: Это не он!

В.А.: Он! Маленькая коричневая обезьянка, похожая на чистильщика сапог*.

* В августе 1946 г. М.М. Зоценко подвергся критике, действительно, за шуточный рассказ «Приключения обезьянки». На заседании Оргбюро ЦК Сталин назвал этот рассказ «пустейшей штукой» и «базарным, балаганным анекдотом» (см. об этом: Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М.: «Россия молодая», 1994, с.123–129). Сравнения обезьянки с чистильщиком сапог в рассказе нет.

” А чистильщиком сапог народ называл Сталина. И известно было: за слово «чистильщик сапог» — пять лет лагерей. А тут, значит, целый рассказ.

В.Д.: Вот даже как?!

В.А.: Ну, а как же! Дело в том, что сатирические рассказы Зоценко напечатал Геббельс для немецких солдат и раздавал их в окопы. А в 46-м году эти же рассказы вышли в Англии, после речи Черчилля в Фултоне англичане стали на позицию наших врагов, и тогда, чтобы привести, какой страшный советский быт, они напечатали книжечку Зоценко.

В.Д.: Ах, вот что! Это было непонятно: пустяковый рассказик такой, маленький... при чем?.. Там еще рядом какой-то Хазин, который «Евгения Онегина» пародировал, глупый очень. И грубейшая речь этого Жданова, который сказал: «полумонахиня-полублудница»*.

* Имеется в виду Александр Абрамович Хазин (1912–1976) — поэт и драматург. Хазин писал скетчи и интермедии для многих артистов эстрады (включая, кстати, А.И. Райкина). В пародии Хазина «Возвращение Онегина. Глава одиннадцатая. Фрагменты» (напечатанной, как и рассказ Зоценко, в журнале «Звезда» в 1946 г.) описывались злоключения пушкинского героя, который оказывается в современном Ленинграде: В трамвай садится наш Евгений. / О, бедный, милый человек! / <...> / Судьба Евгения хранила, / Ему лишь ногу отдавило, / И только раз, толкнув в живот, / Ему сказали: «Идиот!» / И т.д. Рассказ Зоценко «Приключение обезьянки» и стихотворная пародия Хазина «Возвращение Онегина» приводились в качестве примеров «клеветы на советских людей».

В.А.: Да, Анна Андреевна всегда со смехом приводила одну шутку Евгения Шварца, драматурга. В Ленинграде они встретились где-то — Шварц и Ахматова, и Шварц спросил у Анны Андреевны, была ли она на каком-то спектакле. Анна Андреевна сказала: «Нет, не была». Тогда Шварц сказал: «Ну да, от вашей организации там был Зоценко!» (*Улыбаясь.*) Вот эта формулировка «от вашей организации» ее очень веселила.

В.Д.: Хм-хм! Так Шварц это сказал сочувственно ей или...

В.А.: В шутку, в шутку. Это в свое время Осип Максимович Брик мне сказал тоже про какой-то спектакль, он не мог сказать «от нашей семьи» (потому что, значит, семья — он, Маяковский да Лиля — это как-то семья не очень понятная), он сказал: «От нашей квартиры там была Лилия». От квартиры.

В.Д.: О Бриках вы очень полно тогда мне, в 67-м году все рассказали...

В.А.: Да, Брики — очень интересное явление. Еще могу рассказать эпизод, который мне рассказал Семен Кирсанов. Дело было так. Кирсанов в салоне Лили Юрьевны читал свои стихи к общему удовольствию присутствующих. А в эту столовую выходила дверь комнаты Маяковского (я имею в виду Гендриков переулок). Владимир Владимирович стоял в дверях своей комнаты, курил и со снисходительной улыбкой слушал эти стихи. Когда Кирсанов кончил читать, Маяковский сказал: «Прекрасные стихи, Сема. Зайдите ко мне, я хочу проверить, как у вас там рифмуется в одном месте». Я вам говорил это?

В.Д.: Ничего-ничего...

В.А.: Кирсанов пошел в надежде на комплимент, а когда вошел, Маяковский, не поворачивая голову в его сторону, сказал: «Стихи плохие, но вы застегните брюки, тут расстегнуто».

В.Д.: Ну, об Анне Андреевне вы замечательно рассказали. Замечательно сказали, это для вас, видимо, очень лично, так что это чувствуется. Гумилев Лев сейчас жив еще? Да?

В.А.: Он сейчас живет в Москве, он доктор исторических и доктор географических наук. Недавно защитил диссертацию по географии: у него есть какой-то еще соавтор, у них есть концепция о том, как влияют перемены солнца и погоды, протекающие в веках, на жизнь и культуру народов, как, когда начинает высыхать все, то где-то кончается цивилизация, а в расцвете — расширяется и так далее. Так что вот он занимается и тем и этим.

В.Д.: Вот кого записать! Только к нему не подступишься! Потому что он, говорят, такой очень...

В.А.: Он злой, как папа. Злой, как папа.

В.Д.: Папа тоже был злой?

В.А.: Бретер абсолютный, он даже на дуэли несколько раз дрался, что в 10-х годах нашего века было вообще не принято...